

попаданец

ПОПДАНЕЦ

Макс Мах

АВИАТОР

Попаданец (АСТ)

Макс Мах

Авиатор

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Max M.

Авиатор / М. Мах — «АСТ», 2016 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-100192-6

Два разных мира, две судьбы. Инструктор по выживанию спецназа ГРУ и пилот-ас, капитан-лейтенант 2-го ранга воздушного флота. Теперь они в одном теле, только сознание пилота погибло. А выжить надо любой ценой. И это работа для спецназа. Тут память и навыки пилота постепенно возвращаются. Очень кстати. Пора снова вставать на крыло.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100192-6

© Мах М., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть I	22
Глава 1. Увечный воин	22
Глава 2. Старая девушка	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Макс Мах Авиатор

Серия «Попаданец»
Выпуск 9

© Макс Мах, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Пролог

1

– Что за спешка? – Лиза посмотрела через плечо на Линева и подняла бровь. Предполагалось, что выйдет завлекательно, но Линева не клюнул.

– Сказали, аврал, – пожал он плечами и пошел рядом.

– А у нас всегда аврал, – вклинился в разговор Куприянов. – Или пожар, или наводнение...

– Еще революции случаются, – подсказала Лиза.

– Случаются, – согласился Линева, бросив беспокойный взгляд через плечо. – И не все они социальные.

– НТР тоже революция, – сказал, проходя мимо них, Коган. – Научно-техническая. – И он скрылся в зале для заседаний.

«Да, их всех что – опилками накормили?» – подумала Лиза, входя вслед за Коганом.

Народу вокруг длинного стола собралось немного. Максимум на половину сидячих мест.

«Чрезвычайка? – удивилась Лиза, занимая место на дальней стороне стола. – А я тут при чем?»

Между тем закрыли дверь.

Во главе стола встал Кашемиров, обвел всех усталым взглядом и тихо сказал:

– У нас окно и захват.

– Окно? – подался вперед Линева. – Сколько? Когда?

– Семьдесят три процента... – Кашемиров взял со стола пустой стакан и поднес ко рту, словно собирался пить. – Первый раз за полгода... И такая удача!

На боковом столике зазвонил телефон.

– Да! – Кашемиров подхватил трубку нервным движением, прижал к уху, послушал, поднял взгляд. – Уже семьдесят девять.

– Быстро растет! – кивнул Коган. – Похоже, пробой.

– Пробой и есть, – подтвердил Кашемиров. – Если пузырь не сдуется, к ночи откроем портал и...

– Вот черт! – вскинулся Линева. – Глеб Иванович, вы сказали захват? Локализованный или стохастический?

– Удача! – Улыбнулся Кашемиров, растягивая толстые губы каким-то техническим движением. – Я же сказал, удача! Локализуется там, где Польшин видел вывеску «*Русская книга*».

– Я готов, – встал Польшин.

– Женщина, – остановил его Кашемиров. – Биологический возраст от двадцати пяти до тридцати. Так что пойдет Елизавета Борисовна.

– Бойтесь, не совмещусь? – сжал зубы Польшин.

– Боюсь, что понравится, – отбрил Кашемиров. – А Елизавета Борисовна, – добавил через мгновение, не дожидаясь реакции Польшина, – если вы забыли, Дмитрий Кириллович, в спецназе ГРУ службу проходила. Не вам чета.

«В спецназе ГРУ? – удивилась Лиза. – Ну, можно сказать и так...»

Вообще-то она там действительно служила. Инструктором по выживанию... Но спецназ ГРУ? Звучит впечатляюще, однако не про нее.

– Готовы попробовать? – спросил Кашемиров, начиная хмуриться.

– Попробовать? – оторопела Лиза, не зная, что и сказать.

– Такой шанс! – вздохнул Линева, а Лиза подумала, что быть инженером-электриком ничуть не менее почетно, чем долбаным разведчиком.

– Я готова!

– Вот и чудесно! – с видимым облегчением улыбнулся Кашемиров. – Приступаем!

* * *

Качнуло. Резко и сильно. Слева направо, и еще раз, но уже в обратную сторону. Лиза открыла глаза, и навстречу ей ударило солнце. Ошеломило внезапно, оглушило мощью и рвануло вдруг, убегаю куда-то вниз.

«Продольное вращение... Что?»

Земля встала дыбом. Нечеткая, невнятная картина. То ли снег и черный лес, то ли просто негатив. Черное и белое. Монохром...

И снова солнце. Клок голубого неба, стремительно проваливающегося вниз, и взлетающая над головой земля.

«Русские горки? Двойной луп?»

Лиза ощутила волну вибрации, мощный толчок вдоль осевой линии, как если бы тормознула со всей дури на полном ходу. Земля ушла вниз, уступая место небу и солнцу, и... Перед ней открылся вид на какую-то огромную и напрочь незнакомую конструкцию. Нечто вроде тримарана – вид из-под воды, – покрытого белыми и голубыми пятнами, а в следующее мгновение откуда-то оттуда, сверху вниз, на нее обрушился шквал огня...

* * *

Жаркая тьма. Холодный мрак. Боль. Багровые всполохи и тяжелый гул. Вспышки звезд. Вопли сирен. И снова боль, жар и душный мрак...

* * *

Она проснулась от боли. То ли неловко повернулась во сне, то ли еще что, но правое плечо пронзило такой болью, что Лиза даже вскрикнула. Словно раскаленная спица прошла насквозь, через мышцы и кости... через всё!

– Ох! – выдохнула Лиза и открыла глаза.

– Леопольд Карлович, скорее! – крикнул кто-то испуганным голосом. – Она очнулась!

«Очнулась? Кто?» – Лиза хотела повернуть голову, но добилась только приступа тошноты. Сжало виски, потолок поплыл, и горькая волна желчи подступила к горлу.

– Тэкс! – в поле зрения появилось лицо, не узнать которое было просто невозможно. Профессорская борода клинышком, седые волосы, прищуренные светлые глаза за круглыми стеклами очков...

«Доктор Айболит...»

У него даже шапочка медицинская – насквозь старорежимная – на голове имелась.

– Тэкс, – сказал неведомый Леопольд Карлович, глядя в Лизу. – Ну, и как оно Там?

– Там? – голос звучал хрипло и тихо, но, судя по ощущениям, это был ее собственный голос.

– А где? – усмехнулся «доктор Айболит». – Или не помните? Вы вообще, что последнее помните?

– Небо...

– Уже хорошо! – похвалил доктор. – А как вас звать, помните?

– Ли... Лизой.
– Лиза! Неплохо. А по бабушке?
– Борисовна...
– Не говори глупостей, Лизка! – встрял откуда-то слева раздраженный женский голос. – Елизавета Борисовна это бабка твоя, царствие ей небесное! А ты Аркадиевна! Ар...
– Надежда Федоровна! – укоризненно покачал головой Леопольд Карлович, глядя куда-то поверх головы Лизы.
– Молчу!
– Вот и помолчите, пожалуйста! Итак! – посмотрел он на Лизу. – Борисовна или Аркадиевна?
– Не знаю... – растерялась Лиза. Она, и в самом деле, вдруг засомневалась: Аркадиевна? Борисовна?
«Бог весть!» – Голова была тяжелая, мысли – неповоротливые, медленные, неловкие.
– Ладно, – не стал настаивать добрый доктор. – Не помните, и бог с ним! А что у нас с фамилией?
– Берг.
– Это по матери! – снова влез давешний голос.
– Вот видите, госпожа капитан-лейтенант! – улыбнулся Леопольд Карлович. – Можете, если хотите! Теперь давайте вспомним вашу настоящую фамилию!
«Капитан-лейтенант?! Он что, издевается?»
– Вы издеваетесь? – спросила прямо.
– Отнюдь! – улыбнулся доктор. – Всего лишь проверяю вашу память. После таких травм, знаете ли...
– Я что, упала? – попробовала вспомнить подоплеку событий Лиза.
– Можно сказать и так! – кивнул доктор. – Какой нынче год, помните?
Лиза хотела было ответить, но осеклась. Она точно знала, что год на дворе девяносто первый, если считать от Революции, как принято в СССР, ну, или две тысячи восьмой от Рождества Христова, но неожиданно почувствовала – говорить об этом не стоит.
– Не помню, – сказала вслух, надеясь, что доктор не сочтет ее полной дурой. – Сколько времени я?..
– Долго, – вздохнул Айболит.
– Можно точнее?
– Семь месяцев...
– Сколько, сколько? – не поверила Лиза.
– Семь месяцев, – грустно улыбнулся доктор. – Но давайте будем оптимистами! Все-таки не семь лет!
«Это уж точно! – согласилась с ним Лиза, стремительно проваливаясь в сон. – Но отчего мы все время говорим по-польски?»

* * *

Проснулась уже вечером, хотя и не знала, в тот же день или в какой-то другой. Однако же факт – освещение изменилось. В комнате, вернее, в больничной палате – ведь она наверняка находилась на лечении, – сгустились сумерки. Свет исходил откуда-то слева. Теплый. Электрический. Похоже, настольная лампа... Лиза повернула голову, борясь со слабостью и болью, посмотрела.

В кресле рядом с кроватью, забравшись в него с ногами, сидела молодая светловолосая женщина, читала книжку. И лампа нашлась. Стояла на тумбочке. Массивная, незнакомой конструкции, под персиковым абажуром.

– Проснулась? – женщина спросила, даже не повернув головы.

Голос показался Лизе знакомым, но прошло несколько секунд, пока она не вспомнила. Судя по всему, это была та самая женщина, которая взялась ее давеча поправлять.

– Надя?

– Значит, меня все-таки помнишь... – женщина отложила книгу и посмотрела на Лизу. – Это ничего, если я не буду устраивать истерику?

– А ты умеешь? – Лиза уже поняла, что, как это ни странно, их – ее и эту совершенно незнакомую ей Надежду Федоровну, – связывали давние и весьма близкие отношения. Родственница? Подруга? Сослуживица?

«Сослуживица!»

Воспоминания упали на нее, как обвал, и едва не раздавили своей тяжестью. Лиза вспомнила, кто она и откуда, как вспомнила и то, как «пошла» на задание. У них был прорыв и захват, и локализованная женщина лет двадцати пяти – тридцати, в подсознание которой Лиза должна была нырнуть, чтобы увидеть чужими глазами один из миров, лежащих «за стеной». Термин дурацкий, разумеется. Тем не менее как-то прижился, и даже перекочевал из рабочего жаргона в документы.

«За стеной!»

До Лизы на «ту сторону» – еще один идиотский эвфемизм – ходили всего несколько человек, но самым успешным оказалось *хождение* Понынина. Он минут двадцать боролся с подсознанием на редкость негостеприимного реципиента, но все-таки «прорвался» к зрительному каналу и увидел городскую улицу, людей, одетых по европейской моде двадцатых годов, какие-то незнакомые машины. Понынин утверждал, что навстречу ему ехал по проезжей части огромный локомотив, – многоэтажные каменные дома, магазины, рестораны... К сожалению, он ничего так и не услышал, и поэтому не мог сказать, на каком языке говорили окружающие его люди, но утверждал, что все вывески были написаны латиницей, хотя и на каком-то явно славянском языке. Все-таки, прежде чем подсознание реципиента обнаружило и выдавило «подселенца», – а так, в конце концов, случалось до сих пор со всеми «разведчиками», – Понынин успел увидеть одну вывеску на кириллице. «*Русская книга*». И окно закрылось.

Вообще, технология «внедрения» оставляла желать лучшего. Новое дело, недостаточно исследованная область, да и техническая база в Институте была так себе. Тем не менее группа профессора Константинова свой хлеб ела не зря. Энтузиасты! Работали день и ночь, и лабораторными методами выяснили немало интересного по поводу взаимоотношений реципиента и «трансплантата». Так что, когда Лиза «нырнула в никуда», она твердо рассчитывала на окно длительностью от получаса до часа. Предполагалось, что, в отличие от Понынина, ей удастся «совместиться» и не только увидеть, но и прочувствовать чужой мир. Может быть даже, взять контроль над телом. Пусть ненадолго, но все-таки взять. На минуту, две... Но семь месяцев?! И еще эти слабость и боль?!

«Я что, застряла?!»

– Лиза? – встревоженно спросила Надежда, вставая из кресла и наклоняясь над кроватью.

– Ох, да! – «очнулась» Лиза. – Извини! Я долго спала?

– Четыре часа, – бросив взгляд на часы, ответила женщина.

– Надя, я... – несмотря на слабость, соображала Лиза на редкость быстро. Не то чтобы на нее «снизошла божественная ясность», но и туман, застилавший сознание, умалился и растаял. – Я...

– Ты! – подсказала женщина.

– Я ничего не помню! – решила Лиза, словно бросилась в полыню.

– Но меня-то ты помнишь? – нахмурилась женщина.

– И тебя не помню, – призналась Лиза. – Твое имя назвал врач, вот и все.

– Совсем ничего?

– Совсем!

– Адрес? Звание? Имя мамы? – начала перечислять Надежда. Держалась она, на удивление, хорошо. Не растерялась. Не запаниковала. Не впала в истерику. – Петра помнишь?

– Не помню! Звание доктор назвал... Леопольд Карлович.

– Профессор.

– Что?

– Леопольд Карлович Ахо – профессор военно-медицинской академии.

– Не знала... А где я служила?

– Значит, совсем ничего?

– Ничего!

– Это плохо! – покачала головой женщина. – На флот, конечно, в любом случае не вернут. Но если признают невменяемой, о личной свободе и правах собственности забудь!

– Что же делать? – почти искренно растерялась Лиза.

– А я на что? – подняла бровь Надежда. – Ты вон семь месяцев в коме пролежала, пришла в себя и с ходу запомнила и меня, и профессора, и звание. Значит, голова-то работает!

– Ну, возможно... – неуверенно признала Лиза.

– Хорошо! – кивнула женщина. – Тогда не станем терять времени! Пить хочешь?

– Хочу!

– На вот! – протянула Надежда поильник. – Клюквенный морс, сама знаешь! Или нет?

Ну, все равно пей, и за дело!

– Значит, так, – сказала Надежда, когда поильник вернулся на свое место на прикроватной тумбочке. – Ты Елизавета Аркадиевна Браге. Баронесса и капитан-лейтенант флота, чем обычно и гордилась немерено. Званием, а не титулом, хоть ты и родственница, пусть даже дальняя, датским Браге, а значит, и самому Тихо. Мать – Антонина Павловна, урожденная Берг, отец...

* * *

Учились, сколько хватило сил. Но и то правда, утомляемость зашкаливала, и Лиза то и дело вынуждена была прерываться на отдых или вовсе задремывала. Но когда утром рядом с ее кроватью объявился средних лет подтянутый «доктор», Лиза была уже готова и в грязь лицом не ударила.

– Итак, – сказал доктор, назвавшийся Иваном Христофоровичем, и раскрыл блокнот, – давайте, Елизавета Аркадиевна, проверим немного вашу память.

– Давайте, – согласилась Лиза. – Только недолго. Я быстро устаю.

Голос все еще не восстановился. Звучал тускло и сухо, слабый и прерывистый, так что на самом деле Лиза и не говорила вовсе, а как бы нашептывала, то и дело теряя при этом дыхание.

– Вы, простите, с какого года? – спросил тогда *подтянутый доктор*.

Ох, знала Лиза таких почетных чекистов из Первого отдела, и голос такой – вкрадчивый, – пару раз в жизни слышала. С этими не ошибешься. Что там, что здесь, из одного полена струганы!

– С девяносто девятого, – сказала она вслух, хорошо усвоив с вечера «основные вехи».

– То есть вам сейчас двадцать девять лет?

– Нет, Иван Христофорович, – не согласилась Лиза. – Мне сказали, я в коме семь месяцев пролежала. Стало быть, мне сейчас тридцать. День рождения как раз в январе был.

– А в армии с какого года? – ничуть не смутившись, продолжил расспрашивать «доктор».

– На службе с четырнадцатого, но не в армии, а на флоте. Есть разница.

– Считаете флотских круче? – прищурился Иван Христофорович.

– А тут и считать нечего! – отрезала Лиза, вживаясь в образ. – Это все признают.

– Допустим, – кивнул «доктор». – Вы где живете?

«Интересный вопрос...»

– Когда где! – если бы могла, пожалала бы плечами, но правое плечо ломило не по-детски, да и голову лучше было оставить в покое. – Иногда на базе, иногда на борту. Но вы, верно, имеете в виду мой официальный адрес. Тогда Шлиссельбург, Смоленка, дом Корзухина, двенадцатый этаж.

– Вам принадлежит весь этаж?

– Да, – подтвердила Лиза, – но мои апартаменты именные. Просто «Браге», без номера.

– Дорогая собственность.

– По наследству досталась.

– От родителей?

– Нет, от дяди – брата отца.

– От Андрея Николаевича?

– Нет, – возразила Лиза, – от адмирала Дмитрия Николаевича Браге. И вот что, доктор. Хочу сразу же прояснить. Я знаю, чем отличается опросник психиатра от допроса контрразведчика. А вы даже не флотский, а кирза паршивая! И звание у вас наверняка невысокое. Что за притча? Я только из комы вышла, а вы ко мне с допросом? Я старший офицер, между прочим, и по званию равна армейскому штаб-майору. К тому же, как мне сообщили, награждена «Полярной звездой»! Хотите, напишу жалобу адмиралу Георгиевскому?

– Э! – опешил «доктор». – Я...

– Пошел вон, гаденыш! – прошипела по-змеиному Лиза, благо что на ор сил все равно не нашлось. – И чтобы духу твоего здесь больше не было! Выблядок!

«Кто? – не поверила Лиза своим ушам. – Выблядок? Я и слова такого...»

Но нет! Знала, разумеется. Вот только не употребляла никогда. Но это полдела. А дело в том, что все здесь отчего-то говорили по-польски.

* * *

– Вот же тварь! – вспылила Надежда, когда Лиза рассказала ей о визите подтянутого «доктора».

У Нади были дела в городе, но ближе к вечеру она появилась в палате и, продемонстрировав Лизе огромную сумку, сообщила:

– Апельсины, клюквенный морс, шоколад и все твои семейные альбомы!

– Мне твердую пищу нельзя... – вздохнула Лиза. – Пока...

– А мы понемножку! – возразила Надя. – Шоколад из Антверпена! Хороший! Я тебе его сейчас растоплю, попьешь горячим!

Вот тут Лиза ей все и рассказала.

– Вот же тварь!

– Ну, я ему так и сказала.

– Что, тварью назвала? – улыбнулась Надя.

– Нет, – попробовала усмехнуться в ответ Лиза, – выблядком!

– Ох, Лизка! – рассмеялась Надежда. – Узнаю любимого пилота!

И как-то так она произнесла слово «любимый», что Лизу даже озноб пробил.

– Мы?... – спросила осторожно, сама еще не твердо зная, о чем спрашивает.

– Было дело! – улыбнулась Надежда. – Но давно и неправда. Ты Петра встретила. На этом все и закончилось.

Не то чтобы Лиза не знала, что некоторые женщины любят других женщин, но в СССР об этом как-то не говорили никогда. О педерастах – да. А о таких – нет.

– А теперь?

– Лиза, мы с тобой кузины и самые близкие подруги. Ты мне, а я тебе. И все эти «глупости» ничего изменить не могут. Ты вышла замуж, я в другую влюбилась... Все путем!

– Так я замужем? – ужаснулась Лиза.

– Уже нет! – покачала головой Надежда. – Ты же видишь, ни он, ни Гринька – сукин сын, и носа не кажут.

– А ведь это Гринька, ублюдок, на тебя контрразведку натравил! – сказала через мгновение. – И как я сразу не сообразила?! Ведь, если ты не дееспособна, титул и все прочее к нему перейдут. Вот же урод!

– А кто он мне? – спросила Лиза, начиная понимать, что просто ей здесь не будет.

– Хороший вопрос! – кивнула Надежда. – Сейчас я тебе его покажу, незаконнорожденного! Дай только сварю шоколад...

* * *

Григорий Берг – Лизин единоутробный брат – объявился уже на следующий день.

– Помяни черта! – Едва не сплюнула Надежда и демонстративно отошла к окну.

– Может быть, оставишь нас наедине? – холодно поинтересовался высокий статный военный, провожая ее взглядом.

– Обойдешься! – огрызнулась, не оборачиваясь, Надежда.

– Я могу позвать санитаров! – сообщил подполковник, голос его звучал сухо, почти равнодушно.

«Подполковник Берг!»

О звании своего брата Лиза знала только от Надежды. Погон Григория ей было не рассмотреть, да если бы и смогла! Знаки различия здесь, верно, были не такими, как в ее СССР.

– Прекрати говорить глупости, Гриня! – вмешалась она в бессмысленную перепалку, отметив мимоходом, что, войдя в палату, Григорий на нее даже не посмотрел. – Переходи к делу, если тебе есть, что сказать, и выметайся!

– О! – обернулся к ней Берг. – Значит, ты и в самом деле очнулась! Мило.

– И не надейся! – Сейчас Лиза видела, все, что рассказала ей об этом говнюке Надежда, истинная правда. Такие вещи открываются в интонациях, во взгляде, в манере держаться, в мимике и жестах. Такое ни с чем другим не спутаешь!

– Тем не менее я хотел бы обсудить вопрос твоей дееспособности... – сказано спокойно, без ажитации, как если бы смертный приговор зачитывал.

– Опекуном хочешь стать?

– Ну, я в любом случае твой ближайший родственник, – пожал плечами Григорий.

– Уже нет! – зло усмехнулась Лиза, хотя, казалось бы, ей-то какое дело?! Он ей не родня, она вообще здесь чужая. Но и ее, что интересно, взяло за живое.

– Ох, милая Лиза! – казалось, торжество зажжет, наконец, улыбку на этих красиво очерченных губах, но нет! Не дано. – Любое твое нынешнее распоряжение может быть оспорено в суде...

– Поэтому я сделала все распоряжения заранее.

– Что ты имеешь в виду? – поднял бровь Григорий.

– Гриня, милый! – через силу улыбнулась Лиза. – Я оставила завещание, и в нем ясно оговорено, что ты мне не родственник, а обычный ублюдок. Мать моя, царство ей небесное, женщина была в целом неплохая. И меня любила. По-своему. Но шлюха, – прости господи, – и этих слов из песни не выкинешь. А отец твой, Гриня, и того хуже. Это ж надо быть таким уродом, чтобы прижить ребенка от собственной сестры?! Так что, *милый*, – подчеркнула она обращение, возвращая его Григорию, как фальшивую монету, – ты не только ублюдок, но еще и выродок!

– Это грязные сплетни! – поморщился Григорий. – Мой отец...

– Гриня, – остановила его Лиза, – к моему завещанию приложены письма нашей общей матушки, и они недвусмысленны. Так что утрись! Ты мне никто и никогда никем не станешь, и не потому, что мать тебя отцу в приданое принесла, а потому что ты всю жизнь ведешь себя, как поганец. И сейчас тоже! А опекун, если понадобится, у меня уже есть. Надежду Федоровну ты ведь знаешь? Вот с ней и будешь иметь дело, если до этого дойдет!

* * *

Проснулась ночью. Лежала без сна, слушая, как заполошно колотится сердце. Лежала, уставившись в залитый лунным светом потолок, и ощущала, как захватывает душу тоска. Холодная, безысходная, словно стылая бесплодная земля, на которой не выжить. Да и не надо, потому что, чем так жить, лучше умереть.

К ней, наконец, пришло осознание случившегося. Сейчас, ночью, на этой больничной койке, Лиза вдруг с предельной ясностью поняла, что напрочь и надолго – а скорее всего, навсегда – отрезана от своего мира. Вырезана из него. Вычеркнута, потеряв и себя, Елизавету Борисовну Берг, какой саму себя знала и ощущала, – и какой знали, видели и ощущали ее все вокруг, – и сам тот мир, в котором родилась и до сих пор жила. Ничего не осталось. Ни облика, ни места, ни друзей, ни близких. Никого и ничего, кроме испуганного сознания инженера-электрика Елизаветы Борисовны Берг, запертого в чужом немощном теле, в чужом незнакомом мире, среди чужих незнакомых ей людей.

Что с ней случилось? Как такое могло произойти? Все это казалось безумием, бредом, ночным кошмаром, но, увы, не привиделось, не пригрезилось, а происходило с Лизой на самом деле. Похоже – и это была пока единственная рабочая гипотеза, – она «подселась» к реципиенту не в самый подходящий момент.

«Оказалась в неудачном месте в неудачное время...»

Со слов Нади – и из принесенной подругой статьи в газете «Шлиссельбургский курьер» – Лиза уже знала, что капитан-лейтенант Браге была пилотом штурмового коча – чем бы эта штука ни была на самом деле, – и во время вооруженной провокации поляков в районе Опочки атаковала их крейсер-тримаран. Поступок героический, разумеется, но одновременно самоубийственный, поскольку не оставляет пилоту одиночного штурмовика никаких шансов на выживание. Так и случилось. Лиза смутно помнила вид на тримаран снизу, и ощущение полета, и ленты трассеров, стремительно развертывающиеся ей прямо в лицо... И это не сон, а жизнь. *Объективная реальность, данная нам в ощущениях.* По факту Елизавета Браге прорвалась сквозь заградительный огонь, поразила – из пушки или пулемета – правый корпус тримарана, вызвав детонацию боезапаса на нижней артиллерийской палубе, но и сама была буквально расстреляна в упор кинжальным пулеметным огнем. Как все это выглядело на самом деле, Лиза представляла себе в самых общих чертах, так как не знала, ни что такое этот чертов крейсер-тримаран, ни как выглядит этот ее штурмовой коч. В голову приходили лишь образы из фильмов про войну с немецкими фашистами. Одиноким истребитель с красными звездами на крыльях, атакующий идущие строем немецкие бомбовозы. Что-то такое. Но реальность наверняка была куда причудливее.

Однако, так или иначе, штурмовик капитан-лейтенанта Браге был сбит и, разваливаясь на части, упал на окраине села Орлово. Там ее и нашли. Надя сказала, сначала подумали – мертвая. Но она неожиданно ожила и начала дышать. Остальное в сжатом пересказе из вторых уст выглядело знакомо и оттого, наверное, понятно. Эвакуационный транспорт, госпиталь в Пскове, затем еще один, в Ниене – где бы ни находился этот неизвестный Лизе город, – и, наконец, Шлиссельбург, где она – но уже не та, что прежде, а нынешняя – очнулась от комы и открыла глаза всего лишь несколько дней назад.

Когда же произошел обмен? Лиза полагала, что именно тогда, когда одна женщина умерла, а другая начала дышать. Одна умерла, другая воскресла. Такой поворот многое объяснял. Хотя вполне мог оказаться пустой идеей, высосанным из пальца пустяком...

* * *

В следующие несколько дней никто Лизу не тревожил: ни Гриня – сукин сын, ни Петр, которому, слава богу, было нынче не до своей бывшей жены. Со службы, правда, через лечащего врача вежливо поинтересовались, когда и в каком составе ее можно будет навестить, но Лиза эту робкую попытку убила на корню.

– Виктор Павлович, – сказала она доктору Егоршину, – вы же не только мой лечащий врач, вы еще и молодой мужчина. А теперь посмотрите на меня и скажите, только честно, стоит мне нынче принимать гостей, или ну их?

Доктор посмотрел, кивнул и, ничего к этому не добавив, ушел.

Лизу оставили в покое. Даже Надя исчезла, сославшись на форс-мажор в ателье, а с персоналом – со всеми этими нянечками, милосердными сестрами, докторами и фельдшерами – Лиза старалась вести себя предельно сдержанно. Лишнего не говорила, предпочитая молчать везде, где это было возможно. Зато слушала внимательно – людей и радио, – смотрела по сторонам, читала газеты и журналы, старалась понять увиденное и услышанное, систематизировать, запомнить. В общем, училась, и при этом изо всех сил старалась себя не жалеть. Получалось, впрочем, плохо. Особенно ночью, когда слезы не только подступали к глазам, но и текли из них потоком, стоило лишь вспомнить, кто она на самом деле и что с ней произошло.

Себя было жалко до безумия, местную Лизу, впрочем, тоже. Судя по фотографиям, Елизавета Браге была высокой стройной женщиной. Не красавица, но скорее симпатичная, чем наоборот. Вернее, не так. «Симпатичная» – это не про нее. Эта женщина-пилот была интересная. Умная и с характером. Авиатор, герой... И все, что от нее осталось, это тело, в котором жила теперь другая женщина, от собственного тела которой не осталось ничего. Это Лиза поняла не сразу, но со временем разобралась. Разумеется, физика процесса была ей известна лишь в самом общем виде, но и этого достаточно. При «захвате» происходит синхронизация двух временных потоков, и значит, пролежав в коме семь месяцев здесь, там она, скорее всего, просто умерла.

«Или нет...»

* * *

В понедельник разрешили вставать с кровати, и целых пять минут выгуливали по палате. Теснота не мешала, наоборот – пугали расстояния. Ноги были слабые, с трудом выдерживали вес исхудавшего тела и никак не желали идти. Однако не зря говорится, что упорство и труд все перетрут. Лиза старалась изо всех сил. Потела, сходила с ума от тоски и боли, но все равно шла. Шаг за шагом – ведь капля камень точит, – вдох – выдох, усилие, и еще одно. Прошла метр, осилила другой. Добралась до двери и упала в объятия Надежды.

– Молодец! – похвалила та, волоча Лизу обратно на кровать. – Пять минут отдыха, и вперед!

Напоила морсом – брусника с морошкой, – рассказала, как сдавала вечернее платье кинодиве Анни Кингисепп, и снова подняла на ноги. На этот раз удалось выйти в коридор и добраться до сестринского поста. Там отдохнули немного и пошли обратно. Когда добрались до кровати, ноги дрожали и горели огнем.

– Лиха беда начало! – рассмеялась Надежда, чмокнула Лизу в щеку и принялась хлопотать над своими сумками.

В термосе нашелся куриный бульон, в судках – осетрина холодного копчения, паюсная икра и салат из яблок с апельсинами и клубникой.

– Ешь, Лизка! – приговаривала Надежда. – Ешь, а то никто замуж не возьмет!

– Надя, – спросила Лиза, прожевав очередной золотистый ломтик безумно вкусной осетрины, – мне кажется, или у рыбки вкус изменился?

Спросила и тут же спохватилась, уж вкус-то осетрины Елизавета забыть никак не могла. Но Надежда не удивилась. Напротив – обрадовалась.

– Точно! Это потому что я тебе у Исайченко каспийского осетра купила, а не балтийского, как ты любишь! Он сказал, этот жирнее, я и повелась. А память-то, выходит, Лизка, к тебе возвращается!

Лиза промолчала, но про себя отметила, что при всем сходстве между двумя мирами – ее родным и этим новым – различий у них никак не меньше. В ее мире осетров нигде, кроме Волги и Каспия не осталось. Повывелись.

«Кажется, еще есть в реке Урал и где-то в Сибири», – припомнила Лиза, однако совершенно очевидно, что на Балтике осетров нет. Во всяком случае, на памяти последних трех поколений...

* * *

Через десять дней Лиза самостоятельно дошла до киоска и купила у артельщика горячий бублик с маком. Деньги ей оставила Надежда, так как бухгалтерия Адмиралтейства все никак не могла отменить ранее выданное поручение о переводе оклада содержания капитана Браге прямиком на ее закрытый – иди его теперь открывай – банковский счет. Они же не знали, что она очнется, вот бюрократия и показала себя, какая она есть *«на этом свете»*! А в результате, если бы не Надежда, осталась бы Лиза на неопределенное время без копейки в кармане. Однако Надежда о такой мелочи, как деньги, не забыла, и Лиза отправилась к артельщику.

Это был первый раз, когда Лиза решилась что-то купить самостоятельно. Порядка цен она не знала, но на ее счастье в ходу здесь оказались рубли и гроши. Про гроши Лиза знала не понаслышке. В детстве она жила с родителями в Гданьске, ходила там в обычную польскую школу, дружила с местными девочками, что означало, между прочим, покупку мороженого и прочие девчачьи радости. С тех пор она знала – сто грошей равны одному злотому. Но здесь вместо злотых были рубли.

Надежда оставила ей две «трешки» и «десятку» ассигнациями – это слово было отпечатано на бумажных деньгах латинскими буквами, как, впрочем, и слово «рубль», – пять металлических рублей и несколько монет достоинством в десять, двадцать и пятьдесят грошей. Поразмыслив, Лиза расплатилась с артельщиком – еще одно смешное слово, – серебряным рублем, который, похоже, и в самом деле был отчеканен из серебра. Во всяком случае, Лиза нашла на нем пробу. Клеймо – «скрещенные мечи» – ничего ей не говорило, как и число «900». Однако словосочетание «девятисотая проба» показалось знакомым. А бублик, как выяснилось, стоил пять грошей, так что, получалось, гроши здесь, как и в Польше ее времени, соответствовали копейкам. Сто грошей – один рубль.

Купив бублик и, отщипнув от него крошечный кусочек, Лиза отправилась искать библиотеку. Доктор Егоршин сказал, что библиотека находится на третьем этаже, и Лиза впервые после пробуждения вступила на лестницу. Что сказать! Лучше бы она занялась чем-нибудь другим. Когда добралась до следующего этажа, в глазах уже было темно, дыхание сорвано, и сердце заполошно билось, пытаясь прорваться сквозь решетку ребер.

«Твою ж мать!»

Могла запросто грохнуться в обморок или еще что, но какая-то сердобольная девушка довела до скамейки, усадила и принесла воды. Лиза сделала маленький глоток, постукивая

зубами о стекло стакана, и ее чуть не вывернуло. Горечь подступила к горлу, но второй глоток явно пошел на пользу, а после третьего начало проясняться в глазах.

«Ох, ты ж!...»

Но поблагодарить вслух свою спасительницу Лиза смогла лишь после пятого или шестого глотка.

Потом долго сидела одна. Собиралась с силами. Вдыхала носом, выдыхала ртом. Дождалась, пока выровняется дыхание и успокоится сердце, осторожно встала на ноги и медленно, по-стариковски пошла по коридору.

До библиотечной комнаты дошла минут за десять.

– Хотите что-нибудь почитать? – спросила пожилая библиотекарша, одетая, как и все прочие работники госпиталя, в белый халат.

– Да, – с трудом улыбнулась Лиза. – Можно я полистаю энциклопедию?

Энциклопедия – большие толстые тома в тесненной золотом коже стояли на полках прямо за спиной библиотекаря. И на корешках, что характерно, золотыми латинскими буквами так прямо и написано – *«Большая Русская Энциклопедия»*.

Вообще, если уж придется здесь жить, то со всем этим следовало разобраться, и как можно скорее. Лиза все еще не знала, в каком времени и в какой стране она оказалась. Если судить по одежде и приборам – телефонам и радио, термометрам и прочим тонометрам, – это было похоже на двадцатые – тридцатые годы двадцатого века. Да и в газетах датой выпуска значился двадцать девятый год. Однако в небе над госпиталем пару раз проплывали воздушные корабли необычной конструкции, да и в самом госпитале Лиза видела уже телевизоры и самодвижущиеся устройства на голенастых лапах, сделанных из бронзы и стали. Роботы? Скорее всего. Но роботы какие-то не такие, какими они должны были быть, исходя из довольно обширных знаний в электротехнике и устройстве ЭВМ, которыми располагала Лиза. Что же касается страны, то тут все обстояло куда сложнее, чем хотелось бы. И спросить не у кого, потому что о таких вещах Лиза боялась спрашивать даже Надежду, которая в каждый свой визит проводила с Лизой «уроки прошлого». Но одно дело забыть свою жизнь, и совсем другое – не знать основополагающих вещей!

Окружающие Лизу люди говорили на языке, удивительно напоминающем польский, но польским тем не менее не являющимся и называвшемся, как это ни смешно, русским. Лиза польский язык знала неплохо. Умела говорить и читать, вполне грамотно писала, но вот какое дело. Она понимала этот их «русский» не слишком хорошо. В нем было много незнакомых слов, да и некоторые грамматические обороты ставили Лизу в тупик, не говоря уже о черт знает каком произношении. Однако, когда она говорила сама, ее произношение ничем существенно не отличалось от того, как говорили другие люди. Вернее, отличалось немного, но совсем не в том смысле, в каком стала бы думать Лиза. Доктор Егорычев сказал ей как-то, что ему очень нравится то, как она говорит.

– Все-таки, – сказал он ей с улыбкой, – у вас, пскобелян, язык куда лучше, чем у нас, на севере.

«Мы скобские? – вспомнила Лиза старый советский фильм «Мы из Кронштадта». – Пскобское произношение? Умереть, не встать!»

Получалось, что говорит и пишет Елизавета Браге, а понимает и читает Елизавета Берг. Стоило Лизе задуматься, и фразы выходили так себе, корявые и неправильные, да и произношение «проседало», что свидетели ее очередного фиаско относили обычно на счет ее плохого самочувствия. Все-таки Лиза семь месяцев пролежала в коме, ей можно.

Однако если не задумываться, а говорить «автоматом», не переводя с «русского» на «русский», Лизина речь лилась свободно и звучала правильно, хотя иногда она и сама не понимала, «что несет». То есть по смыслу это, судя по всему, было именно то, что она хотела сказать,

но таких грамматических оборотов, поговорок и прочих фразеологизмов она никогда раньше не знала и знать не могла.

Ну и еще, писали здесь, как и в Польше, не кириллицей, а латиницей.

– Хотите что-нибудь почитать? – спросила библиотекаря.

– Да, – с трудом улыбнулась Лиза. – Можно я полистаю энциклопедию?

– Какой вам дать том? – ничуть не удивившись, спросила женщина.

– «Эн», – ответила Лиза. – «Ни».

– «Ник-Нис», – добавила, рассмотрев маркировку томов.

– Садитесь за стол, сударыня! – кивнула библиотекарь на ближайший стол. – Вы едва стоите на ногах, и лица на вас нет. Хотите, позову врача? Нет? Как знаете. Я сейчас принесу вам этот том.

И она принесла.

«Ник-нис, Ниен, – прочла Лиза. – Ниен – столица Ижорского княжества. Расположен на северо-западе республики Себерия, на побережье Финского залива и в устье реки Невы... Город основан в 1193 году шведами... Крепость Ландскрона... стена... захвачен Новгородом в 1351 году... ...важнейший экономический, научный и культурный центр Себерии, крупный транспортный узел... Население... 3 785 190...»

2

Когда пришло время выписываться из госпиталя, Надя пригласила пожить у нее – «поживешь, осмотришься, то да се!» – но Лиза настояла на том, чтобы «вернуться домой». Домой, как бы двусмысленно это ни звучало в ее случае.

«Домой... Кто бы мог подумать!»

В конце концов, Надежда согласилась и даже подготовила апартаменты на Смоляной улице к возвращению хозяйки.

– У вас там, на Смолянке, артель уборщиков работает, – рассказывала Надежда в вечер перед выпиской. – Дом Корзухина убирают и два соседних. Я им заплатила, так они тебе и окна вымыли, и полы, и все шкафчики на кухне. В общем, все, что надо, то и вымыли, – хохотнула в своем обычном, несколько фривольном стиле. – Ледник я включила, продукты на первый случай завезла... Что еще? Электричество есть, телефонная линия в порядке, радиоскоп работает...

– Спасибо, Надя! – улыбнулась Лиза, совершенно очарованная тем, как к ней относилась эта молодая красивая женщина. Один из лучших и невероятно востребованных модельеров столицы – так о Надежде Вербицкой писали газеты, – она находила время, чтобы навещать увечную подругу, сидеть с ней долгие часы, воссоздавая по крупицам «утраченное» прошлое, едва ли не с ложечки кормить вкусностями и разностями и рассказывать со смехом новости светской жизни. Однако Лиза понимала, когда-нибудь ей все равно придется «встать на крыло» и начать жить своей головой, и лучше сделать это раньше, чем позже. Потому что она здесь, похоже, навсегда. Ей здесь жить! Оттого и отказалась погостить у Надежды, хотя чем дальше, тем больше воспринимала ее как свою собственную – Лизы Берг – самую близкую подругу.

И был вечер, и было утро... день второй... Таксист – их называли здесь извозчиками – остановил свой тяжелый локомобиль у парадного подъезда дома Корзухина и помог внести дорожную сумку Лизы в вестибюль. Управляющий Федор Емельянович вызвал звонком мальчика и приказал ему сопроводить госпожу Браге в ее апартаменты на двенадцатом этаже. Потом был лифт – монументальный и роскошный, – коридор, устланный ковровой дорожкой, и дубовая дверь, на которой значилось новое имя Лизы.

«Капитан 2-го ранга баронесса Е. А. Браге».

Капитаном 2-го ранга Елизавета стала практически посмертно. Никто ведь всерьез не ожидал, что она выживет. За *«подвиг самопожертвования, совершенный во время боевых действий»* князь Новгородский – это был, как выяснилось, отнюдь не титул, а должность, наподобие президента, – наградил ее орденом «Полярной звезды», что предусматривало – среди прочего, – внеочередное производство. Так что в отставку Лиза вышла не капитан-лейтенантом, а полновесным капитаном, поскольку в обыденной жизни – на службе и вне ее – капитаны рангом не меряются.

Лиза вошла. Закрыла за собой дверь, уронила на пол кожаный баул.

«Ну, вот я и дома...»

Она неторопливо осмотрелась. Просторная прихожая, три украшенные резьбой двери с бронзовыми ручками, венецианское ростовое зеркало, мебель из дуба – шкаф, обувная тумба, вешалка для шляп, – олени рога по обе стороны от центральной двери, маленькая люстра. Красиво, недешево, незнакомо...

За дверью слева оказался короткий темный коридор. Кладовка, уборная и вход на кухню. Лиза долго не могла найти выключатель, но потом смирилась и «отпустила» мысли гулять самих по себе. Получилось хорошо. Ноги привели, куда надо. Левая рука поднялась и коснулась плоской эбонитовой коробочки с рычажком. Вниз – свет выключен, вверх – включен.

«Забавно...»

В кладовке нашлось несколько пар лыж, шипованные ботинки для горных восхождений, коньки, клюшка для игры в русский хоккей, солдатская каска, противогаз, несколько чемоданов и баулов и много всего прочего, что предстояло еще разобрать и изучить.

«Дело номер раз, – отметила Лиза, – кладовка».

Кухня была просторная и совершенно замечательная. Таких кухонь Лиза никогда не видела. Разве что в американских фильмах. Газовая плита с двумя духовками, большой и маленькой, огромный, едва ли не ее роста холодильник, который здесь называли ледником, шкафы и стол светлого дерева и еще один стол, но уже со столешницей из белого мрамора, чайник, посуда, кастрюли и чугуны, сковородки и, бог знает, что еще.

«Кухня! – записала мысленно Лиза. – Не забыть. Посмотреть, где что, разобраться и запомнить!»

«Кофе! – вспомнила она вдруг. – Я чертовски хочу крепкий кофе!»

Теоретически она была здорова, – во всяком случае, так сказал доктор, а она его не стала переубеждать, поэтому технически ей можно было пить хоть водку, хоть кофе с чаем, но практически в госпитале кофе не варили. Чай был, а кофе – увы!

«Ничего, наверстаем!» – весело подумала Лиза, вскрывая банку консервированного кофе. Такие упаковки делали специально для армии и флота. Двести граммов молотого бразильского кофе, запечатанные в пакет из алюминиевой фольги и закатанные в жестяную консервную банку. Срок хранения – три года...

Лиза понюхала, кофе пах, как свежемолотый.

«Великолепно!» – И в этот момент она сообразила, что не могла знать про армейский консервированный кофе, как не знала и того, где стоит эта банка и как ее открыть. Получалось, что тело Елизаветы Браге, вернее, ее мозг хранит не только моторную информацию – всякие там рефлексы и навыки, типа походки и псковского произношения, но и обрывки знаний о разных неизвестных Лизе вещах. Она не знала, правда, как много таких обрывков сохранила память и каким способом их оттуда извлечь. Тем не менее кофе она нашла. Кофейник тоже. Это оказался весьма замысловатый агрегат из литого алюминия, являвший собой вариацию на вечную тему гейзерной кофеварки.

«Ну, не бином Ньютона!» – решила Лиза, разобравшись с конструкцией, и решительно взялась за газовую плиту. Но тут все оказалось еще проще. Клапаны и краны, серная спичка, как источник возгорания, и газовые конфорки с распределителем.

«Детский сад!»

Пока варился кофе, Лиза нашла колотый сахар в хрустальной сахарнице с серебряной крышкой и такими же щипчиками, пачку турецких папирос «Эрос» и бутылку французского коньяка «Бисквит».

«Бисквит? – удивилась Лиза, но бутылку все-таки открыла. – В самом деле?»

Запах показался знакомым, хотя в прошлой жизни Лиза французский коньяк никогда не пробовала. Однако отчего не предположить, что и это знание принадлежит капитану Браге?

Итак, глоток коньяка, раскуренная папироса и чашка кофе. Вкус коньяка оказался необычным, но приятным, что, скорее всего, тоже было не совсем Лизиним мнением. Дым папиросы... В прошлой жизни Лиза курила спорадически, но никогда запоем. А вот сейчас курение ей неожиданно понравилось, даже несмотря на то, что от первых же затяжек закружилась голова.

Она отхлебнула из чашки и несколько мгновений просто наслаждалась вкусом горячего, чуть сладкого кофе. Глотнула коньяка и подумала, что ходить по квартире с бутылкой некрасиво, даже если она дома одна, да и неудобно, если честно.

«Но мы не боимся трудностей!»

Казалось, рука сама – без вмешательства воли и разума – поднялась и открыла один из кухонных шкафчиков. На полке перед Лизой выстроились в ряд с полдюжины серебряных фляжек.

«Граммов сто пятьдесят...» – определила Лиза на глаз, взяв в руки самую маленькую из них. Плоскую, низенькую и кругленькую. И в самом деле, на дне фляжки было выгравировано – «*пять унций*».

«А пять унций – это и есть сто пятьдесят граммов, если, конечно, унции американские. Если английские, то чуть меньше...»

Лиза наполнила фляжку коньяком и, допив кофе, продолжила рекогносцировку.

Дверь из кухни вела в столовую. То есть сначала Лиза подумала, что это гостиная. Но потом решила, что у богатых свои причуды, и это все-таки столовая, там и стол, бог знает, на сколько персон имел место быть. А гостиная, стало быть, это комната параллельная столовой, просторная, светлая, красиво обставленная и декорированная, – куда можно пройти и прямо из прихожей через ту центральную дверь, по обе стороны от которой висели олени рога.

«Хорошо, понятно! – кивнула мысленно Лиза, рисуя в уме план квартиры. – А тут у нас что?»

Она вернулась в прихожую и открыла дверь справа. Здесь тоже был короткий коридор, симметричный кухонному, и вел он в «личное пространство» хозяйки дома, в ее спальню, кабинет и библиотеку, не считая еще двух полупустых помещений непонятного назначения.

«Красиво жить не запретишь...» – Лиза окинула долгим взглядом спальню, вздохнула, заглянув в прилегающую к ней огромную ванную комнату, и открыла платяной шкаф, занимавший всю стену.

Одежды в нем, однако, оказалось немного. По всей видимости, капитан Браге платья и юбки носила редко, штаны гражданского покрова, впрочем, тоже. Зато мундиров – и юбочных, и брючных – здесь было довольно много и, что называется, на все случаи жизни.

– Красота! – Лиза сняла с перекладины вешалку с черным брючным мундиром. – Наверное, какой-нибудь парадно-выходной...

Кители морских офицеров отчего-то везде красивые. В СССР они Лизе тоже нравились, но этот... Черное хорошего качества сукно, золотое шитье по стоячему воротнику и обшлагам, погоны, знаки различия, орденские планки...

«Черт! – сообразила вдруг Лиза. – Я же во всем этом ни бельмеса не смыслю!»

Она с сожалением вернула мундир на место, тронула рукой темно-коричневый кожаный реглан, тяжело вздохнула, увидев несколько вполне стимпанковских костюмов из желтой и коричневой кожи, и задвинула дверь шкафа.

«Делу время, потехе – час! Еще успею примерить! А сейчас в библиотеку и... работать, работать, работать!» – хихикнула она мысленно, вспомнив старый анекдот про Ленина.

«Учиться...» – Кабинет ей понравился. Массивный письменный стол со столешницей, обтянутой зеленым сукном, несколько застекленных книжных шкафов красного дерева, оружейная витрина с пятью поставленными в стойку ружьями, политическая карта мира в резной раме, старинный напольный глобус, гравюры и картины на темы моря и неба – сплошные парусники, дирижабли и, черт знает, что еще.

– Так! – сказала она вслух. – Весьма интересно, но чем это мне поможет?

«Придется, наверное, просматривать шкаф за шкафом...» – Лиза пересекла кабинет и, открыв следующую дверь, заглянула в соседнее помещение, которое после беглого осмотра решила считать библиотекой.

Вдоль стен здесь плечом к плечу стояли высокие книжные шкафы, в единственном разрыве был устроен крошечный бар и стойка для киев. И, разумеется, посередине комнаты стоял большой бильярдный стол.

– Занимательно, но не актуально! – сказала Лиза вслух, запомнив, тем не менее, что ей также придется научиться играть в бильярд.

Она вернулась в кабинет, закурила и пошла изучать содержимое книжных шкафов. Первый из них оказался заполнен книгами и справочниками по физике и математике, а также по теории и практике проектирования и строительства машин и механизмов. Впрочем, нашлись в нем книги и по электротехнике, что было любопытно, но, увы, несвоевременно.

Во втором шкафу стояли большеформатные книги: атласы и альбомы. Лиза достала с полки один из атласов – он назывался *«Политическая и экономическая география Нового времени»* – и перенесла его на стол. Вернулась к шкафу и хотела было закрыть, но взгляд упал на солидных размеров том, переплетенный в тисненую кожу – зеленую с золотом.

«Русский эрос? – удивилась Лиза. – С картинками? Серьезно?»

Она достала альбом и раскрыла наугад. Ну, что сказать? Бывала она в музеях, и ее не удивляло изображение обнаженной натуры. Слышала кое-что и о порнографии, хотя сама никогда ничего подобного не видела, если не считать, разумеется, фотографий в стиле «ню» из журнала «Чешское фото». Однако «Русский эрос» потряс ее до глубины души. Это было собрание великолепно выполненных цветных гравюр, иллюстрирующих все разнообразие половых отношений, возникающих между мужчиной и женщиной. Со всеми возможными и невозможными подробностями, и в таких ракурсах, что Лизе даже стыдно стало, хотя она и была здесь одна, и видеть ее никто не мог.

«Вот ведь, прости господи!»

Вернула альбом на место, подумав мимоходом, что она уже взрослая девочка и может себе позволить пролистать его как-нибудь на сон грядущий.

«Почему бы нет?»

В третьем шкафу стояли две энциклопедии: уже известная Лизе «Большая Русская Энциклопедия» и другая – на немецком языке. Немецкий Лиза знала сносно, но в любом случае энциклопедию стоило оставить на крайний случай. Лучше было все-таки найти профильную литературу. И она нашла. Разумеется, в последнем – четвертом шкафу.

«*И.А.Р. ван дер Хоффен. Титулы, чины, награды*», – Лиза пролиставла книгу и поняла, что это самое то. Как говорится, то, что доктор прописал.

«*М. Виктор. Награды Себерии. 1693–1927*».

«Ну, ни фига себе!» – Лиза глазам своим не верила, этот шкаф был просто сокровищницей какой-то, никак не менее.

«О порядке пожалования орденами, и об актах пожалования, по Своду учреждений орденов и других знаков отличия, изд. 1918 года», «Л. Н. Дигерт, «Справочная книжка для офицеров. Части I и II». Устав корабельной службы Вооруженных Сил Республики Себерия»... Шесть полков самых актуальных на данный момент книг!

* * *

Читала весь день. Пару раз сварила кофе. Выпила полбутылки коньяка и скурила пачку папирос. Съела сковороду жаренной на сале картошки с грибами – подберезовики в основном – и плитку горького швейцарского шоколада. Примерила парадную форму капитана Браге, отметив в уме, что необходимо поменять погоны капитан-лейтенанта на погоны капитана 2-го ранга. Выяснила между делом, что кожаный реглан и черная фуражка с низкой тульей, «кратбом» и коротким козырьком ей к лицу, и в начале двенадцатого ощутила усталость, какой и не помнила. Давно, со времен подготовки к экзаменам в Политехе, никак не позже.

«Ну что ж, – Лиза посмотрела на разбросанные по столу книги, встала и потянулась, – кажется, я заслужила отдых!»

Она приняла душ, надела пижаму и халат, налила в хрустальный стакан коньяка на четверть, закурила и вышла на балкон. Наступила ночь, и на чистом небе ярко светили звезды севера. А перед Лизой открывался невероятный по красоте вид на тихую в этот день Ладогу от Старого города и крепости Орешек на западе до Кобоны на востоке. И, разумеется, на освещенные лунным светом острова Малый и Большой Зеленец...

Часть I

Кавалерственная дама

Глава 1. Увечный воин

Декабрь, 1930

«*Качество бьет количество, а рутина – тоску!*» – Красивый лозунг. Его стоило бы записать монументальными готическими буквами – красной и черной тушью – и вывесить над прихожей двери в спальню. Разумеется, делать этого Лиза не собиралась, но идея понравилась.

«Порядок и дисциплина – наше всё!» – она выбралась из постели и встала босыми ногами на холодный пол. Конец декабря на шестидесятой параллели – самая середина зимы, даже если случилась оттепель, и снег растаял, а новый выпадать не успел. Бывает холодно, особенно ночами. В домах тоже не жарко, и уж тем более если оставлять окна открытыми и из принципа отключить паровое отопление. По идее, ей следовало надеть войлочные тапки, но Лиза решила «*не потакать слабостям*», разрешив себе до зарядки лишь заскочить в уборную да всполоснуть лицо. Заскочила, всполоснула, и за дело! Наклоны, приседания, отжимания – в общем, все, как положено, и даже сверх того. Много, до упора, до полного «не могу», до боли в мышцах и пота «ручьём».

Закончила комплекс – Лиза составила его сама себе, припомнив занятия в детской спортивной школе и то, как гоняли спецназовцев ГРУ, – вытерла пот с лица и взялась за гири и гантели. С четверть часа «тягала вес», давая мышцам ног между делом немного отдохнуть, потом перешла на велотренажер. К сожалению, беговых дорожек здесь еще не делали, но велотренажер, лыжный и гребной станды и устройство для тренировки брюшного пресса, хоть и не были похожи на знакомые Лизе образцы, выполняли все те же функции, что и тренажеры ее мира. Стоили они недешево и занимали много места, но деньги у Лизы водились, а квартира на двенадцатом этаже дома Корзухина была настолько большой, что впору в прятки играть. Только не с кем.

Еще через три четверти часа, «усталая, но довольная», она встала под горячий душ. Дом Корзухина был выстроен в начале века – как раз тогда, когда столицу перенесли из Новгорода в Шлиссельбург – и являл собой пример современного жилого здания. Электромеханические лифты, электричество и газ, вода, канализация и даже мусоропровод. В ванной комнате и на кухне стояли громоздкие, но как оказалось, весьма эффективные – газовые бойлеры товарищества «Мотор», и горячей воды было хоть залейся. Однако Лиза долго нежиться под горячими струями себе не позволила, закончив водные процедуры холодным душем, что, учитывая время года, означало – ледяным. Обтерлась насухо махровым полотенцем и, наконец, позволила себе посмотреться в зеркало. Оно было большое, во всю стену – от пола до потолка.

«Ну, – решила Лиза, – все не так уж плохо! Можно даже сказать, хорошо».

За прошедшие полгода мясо на костиросло, шрамы окончательно зарубцевались, а мышцы окрепли. И вид этой еще недавно совершенно чужой женщины не вызывал больше у Лизы ни отторжения, ни раздражения. Она начинала воспринимать этот облик как свой собственный, хотя все еще помнила себя такой, какой была где-то когда-то Лиза Берг, то есть невысокой, подчеркнута женственной блондинкой. Елизавета Браге была иной. Длинноногая, с узкими бедрами и плоским животом, с высокой и все еще упругой, но небольшой грудью – где-то между первым и вторым размерами. Тонкие плечи и запястья, длинные и узкие кисти рук. Да и лицо скорее интересное, чем наоборот: длинный прямой нос, большой рот с узкими, но красивого очерка губами, высокие скулы и большие серые глаза. Не красавица, но внима-

ние, судя по реакции мужчин, привлекает. Светло-русые волосы, которые капитан-лейтенант Браге стригла коротко – под мальчика – отрасли и на поверку оказались пышными и волнистыми. И еще нынешняя Лиза была выше себя прежней сантиметров на пятнадцать. Та была метр шестьдесят три, а эта – пять футов десять дюймов, то есть где-то под метр восемьдесят. Точнее, метр семьдесят семь или восемь.

«Дылда! – усмехнулась мысленно Лиза, рассматривая свое отражение. – И жрет, как кабан! И да, с этим надо что-то решать...»

Последнее относилось не к повышенному метаболизму Елизаветы Браге, а к местным нравам и обычаям. Прожив здесь уже почти шесть месяцев, Лиза так и не выяснила пока, является ли приличным и приемлемым для порядочной женщины брить ноги и подмышки. В Советском Союзе для современной городской девушки – это был не вопрос. Некоторые шли даже дальше, приспособливая природу к моде на бикини, но это там, а что здесь? И спросить неловко. Даже Надю. А не спросишь, можешь угодить впросак. Надежда уже сколько раз приглашала Лизу то переночевать у нее, то пойти искупаться, то съездить за город, попариться в баньке. Приходилось отнекиваться, ссылаясь то на плохое самочувствие, то на неподходящее настроение. Ведь одно дело в госпитале, где все естественно и простительно, и совсем другое – в повседневной жизни. Лиза просмотрела, правда, целую кучу модных журналов, но, во-первых, они не давали однозначного ответа на вопрос, что принято делать с растительностью у женщин Себерии. И во-вторых, было неизвестно, что в этом смысле предпочитала Елизавета Браге. Глупость, конечно, но именно на таких глупостях, как утверждали авторы романов о советских разведчиках, нелегалы обычно и проваливаются. Обстучал сигарету о ноготь, и ага!

Занятая мыслями, Лиза и не заметила, как оделась и перешла на кухню, нарезала и обжарила несколько толстых кусков тихвинской свеженины – так здесь называли ветчину, – и как разбивала яйца, не запомнила тоже. Руки сами делали, как случалось с ней теперь сплошь и рядом.

Завтрак вышел на славу. Жареные яйца и ветчина, два куска белого хлеба с маслом, марокканский апельсин и большая кружка черного, как ночь, кофе. Лиза Берг не завтракала вообще, разве что выпивала чашечку кофе. Елизавета Браге съела все и еще добавила кусок шоколада. Калории не мешали ей жить, напротив – помогали.

* * *

После завтрака Лиза пошла в кабинет, села за стол и придвинула к себе первую из трех книг, приготовленных на это утро. Первым оказался альбом *«Виды Ниена. Гравюры, живопись, фотографические снимки»*. Хороший альбом, толстый, с комментариями к каждой иллюстрации.

– ...крепость Ландскрона, – прочла Лиза вслух подпись под одной из наугад выбранных гравюр. – Речной равелин... Н-да...

Тяжело вздохнув, Лиза встала и пошла к книжному шкафу, где хранились географические атласы. Если уж изучать город, который она теоретически должна знать совсем неплохо, то только с привязкой к местности.

«Ох, ты ж!» – оказывается, она чуть не забыла, что в Ниене – как, впрочем, и в любом другом городе – офицер флота наверняка не столько наслаждается красотами архитектуры, сколько наливается напитками разной степени крепости. Вопрос – где? И куда в этом случае идут после выпивки мальчики? И чем заняться девочке, пока мальчики резвятся в бардаке?

Лиза швырнула атлас с картами городов Себерии на столешницу, взяла из папиросницы – резное дерево и темное серебро – папиросу «Норд», закурила и в задумчивости посмотрела на книжные шкафы. Библиотека у нее была просто замечательная. Впрочем, книг, купленных самой Елизаветой, здесь было относительно немного. Основное собрание вместе с апартамен-

тами, мебелью и всем прочим старший лейтенант Елизавета Браге получила в наследство от старшего брата ее отца – адмирала Дмитрия Николаевича Браге. Но дело, разумеется, не в том, кто и когда собирал эту библиотеку, а в том, что тех книг, о которых подумала сейчас Лиза, в ней не было, и быть не могло.

«Нет таких книг... – с сожалением признала Лиза. – Что?»

Слово всплыло в памяти, казалось, без всякой причины.

Дневник.

«Дневник?!»

Лиза прожила в этой квартире почти шесть месяцев. Осмотрела в ней каждый угол, открыла каждый ящик, но никаких дневников не нашла. Ну, ладно дневник! Елизавета то ли вела его, то ли нет. Но Лиза не нашла и наградных знаков Елизаветы Браге. Планки на кителе есть, наградные свидетельства лежат в кожаной папке вместе с офицерскими патентами, дипломами и прочими официальными бумагами. А вот самих медалей и орденов нет, как нет и ювелирных украшений. Ну, ладно! Пусть Елизавета – царствие ей небесное! – была синим чулком, вернее, сапогом, раз уж она военная дама! Но чтобы совсем ничего? Ни колечка, ни медальона с камушком?! Это явный перебор. В конце концов, Елизавета была замужем, и где, спрашивается, ее обручальное кольцо? Украли? Возможно, конечно, но маловероятно. В выдвижных ящиках письменного стола лежали никем не тронутые полторы тысячи рублей ассигнациями, две золотые десятки и чековая книжка банка «Балтийский кредит».

«Вот же я дура! – ударила она себя по лбу. – Вот же идиотка безмозглая! Сейф! Здесь должен быть сейф!»

Разумеется, оставалась вероятность, что у Елизаветы Браге имеется личная ячейка в каком-нибудь банке. В том же «Балтийском кредите», например. Но как-то не верилось. Зачем?

Лиза встала посередине кабинета и попыталась понять, где бы она сама стала прятать сейф?

«За картинами? Слишком очевидно, но отчего бы не проверить?»

Но ни за картинами, ни за гравюрами сейфа не оказалось. Другое дело стены, обшитые панелями мореного дуба. За любой из них вполне можно было спрятать небольшой по размерам сейф, но, естественно, не на уровне пола – это было бы неудобно – и не выше головы. Так что зона поисков сузилась, и Лиза уже несколько не удивилась, обнаружив, что одна из панелей имеет свободный ход. Никаких «тайн мадридского двора» и прочих «секретов замка Моррисвилля», все просто и функционально. Нажимаешь на панель, она немного уходит в глубину стены, освобождая пространство для поворота, и открывается. Всех дел – дубовая панель, две стальные петли, простой пружинный механизм, и «ключик наш!»

«Ключ!»

Но, похоже, это был сейф, в котором ключ нужен лишь для подстраховки, а открывается он набором кода из шести цифр. Шесть колесиков с цифрами и неизвестно где хранящийся ключ.

«Хорошая задачка! Но, может быть, стоит поискать ключ?»

Был, правда, еще один способ решить задачу. Вернее, надежда, что такой способ существует. Лиза выровняла дыхание, расслабилась, «отпуская сознание гулять, где вздумается», и коснулась кончиками пальцев первого колесика. Мгновение, другое, поворот – щелчок, еще один – и снова щелчок, «5». Второе колесико было заартачилось, но с третьей попытки определились с цифрой «1». И так цифра за цифрой – все шесть. «512974». Щелчок, и сейф открывается. И никаких чудес, одна лишь ловкость рук.

«Не прошло и года...» – Лиза открыла дверцу сейфа и заглянула внутрь.

На верхней полке как раз поместились две шкатулки – серебряная и малахитовая. В первой нашлись медали, знаки отличия и орденские знаки. Все, кроме «Полярной звезды»,

которую она получила уже в госпитале. Во второй – драгоценности. Не слишком много, но и немало. Старое золото, крупные камни. Вряд ли их покупала Елизавета. Наверняка получила по наследству. От матери, скажем, или от бабки. Теперь уже не узнаешь.

На нижней полке револьвер в кобуре, шесть толстых тетрадей в коленкорových переплетках и пачка писем. Странная все-таки женщина эта Елизавета Браге. Офицерские патенты, финансовые документы и прочие официальные бумаги хранит в письменном столе, а личную переписку и дневники – в сейфе. Впрочем, один документ в сейфе все-таки нашелся. Вернее, два. В конверте из плотной желтой бумаги лежали копии двух завещаний – адмирала Браге и его племянницы, то есть самой Елизаветы Браге. Лиза просмотрела их по диагонали, нахмурилась, вернулась к началу, прочла внимательно. За прошедшее время она виделась со своим частным поверенным всего один раз, сразу после госпиталя. И все, собственно, хотя Самуил Исаакович Веккер неоднократно напоминал ей о необходимости принять от него полный отчет о состоянии ее финансовых и имущественных дел. Однако все было недосуг. Вот Лиза и не знала, что кроме апартаментов на Смоленке, ей так же принадлежит мыза «Кобонский бор» – сельский двухэтажный дом постройки XVIII века на реке Кобоне, в десяти километрах на юго-восток от ее устья; пакет эмиссионных ценных бумаг товарищества «РуссоБалт», строящего автомобили, а также воздушные и морские суда; и капитал в размере двухсот тысяч золотых рублей, большей частью вложенный в государственные ценные бумаги республики Себерия и королевства Нидерланды.

* * *

Лиза фон дер Браге – а именно так на самом деле звучала ее фамилия – начала вести дневник в 11 лет, в 1910 году. Первая тетрадь так и была озаглавлена, разумеется, задним числом – «1910–1912». Странно, но, даже будучи ребенком, она была чрезвычайно внимательна к деталям, и не столько описывала свое настроение или чувства, испытываемые по тому или иному поводу, что было бы естественно для девочки ее возраста, – сколько фиксировала события. Число, когда выпал в 1910 году первый снег, количество роз в букете, который батюшка подарил матушке на именины, и количество карат в бриллиантах, прилагавшихся к цветам. Не слишком приятные ощущения от первой менструации, и приятные – от стрельбы из дядиногo револьвера, первого поцелуя – мальчика звали Сергеем, и он приходился Лизе троюродным братом, – и от первого полета на планере. Лаконично, спокойно, деловым тоном и только по существу. Почерк четкий, строки ровные, мысли ясные.

Лиза очнулась, словно вынырнула из омута, только тогда, когда перевернула последнюю страницу. Очнулась, огляделась удивленно. Все тот же кабинет. Знакомый стол и хрустальная пепельница, полная окурков.

«Ну, ты даешь, девушка! – подумала удивленно, обнаружив тут же на треть опустошенную бутылку коньяка. – В смысле, под такое настроение можно и дать, только, жаль, некому...»

Посмотрела на часы.

«Однако полдень! А завтракала я когда? В восемь? В девять?» – голова чуть кружилась, тянуло спину и правое бедро, и зверски хотелось есть. К тому же кончились папиросы, Лиза ведь не рассчитывала скурить за утро целых полпачки.

«Ладно, семь бед – один ответ! Пойду к Шергину».

Афанасий Шергин содержал стильный трактир буквально напротив дома Корзухина. Готовили там отменно, атмосфера была приятная, но главное – часов до пяти-шести вечера посетителей у Шергина немного, и в трактире можно просто посидеть, где-нибудь в нише за колонной, выпить чаю или взвару, почитать, подумать...

Сказано – сделано. Лиза быстро переоделась. Увы, не во флотский мундир, в котором, как ей теперь казалось, была ужас как хороша. Тем не менее, усилиями Надежды ее гардероб

стал теперь куда разнообразней, чем в былые времена. Так что было из чего выбирать. Она и выбрала. Надела длинную – по щиколотки – темно-серую шерстяную юбку, лиловую кофту и подбитую мехом опаловую кацавейку из велюра. Посмотрелась в зеркало. Добавила к образу шарфик и шнурованные сапожки на высоких – двухвершковых – каблуках, кивнула одобрительно своему отражению, набросила шубку и, прихватив сумочку со «вторым томом дневника», вышла из апартаментов.

Дом Корзухина стоял на западной оконечности Смоленки – длинной широкой улицы, застроенной высокими массивными домами, облицованными гранитом и песчаником. Она начиналась у Гренадерского моста на Новом канале, пересекала по диагонали район Бугры, возникший в конце прошлого века, и затем шла параллельно берегу озера. В этой части Смоленки – и на всех близлежащих улицах – располагалось множество хороших и недешевых лавок, ателье и трактиров на любой вкус. Однако, на вкус Лизы, ресторация Шергина выделялась даже на их фоне.

Лиза перешла улицу – движение в этот час было спокойным, – вошла в трактир, поздоровалась с приказчиком и устроилась, как и предполагала, в нише за колонной. Подошел старший половой, и Лиза сделала заказ. Она чувствовала себя уставшей и голодной, а потому взяла паштет из дичи, чашку бульона из телятины с мясным расстегаем, бифштекс с луком, сто граммов водки и кувшин холодного сбитня, сваренного с северными травами и ягодами. Спросила еще пачку папирос «Норд», и сразу же закурила, как только их принесли. Закурила, отхлебнула из кружки сбитня и открыла дневник.

«1913–1916». Чтение захватило сразу и уже не отпускало. Ощущения при этом были странные, словно бы Лиза не только – и даже не столько – читала чужой дневник, сколько сама записывала в него свои собственные мысли и впечатления четким почерком, простым и в то же время нетривиальным языком. Елизавета Браге записывала приметы обыденной жизни, впечатления и события, описывала механизмы и пейзажи, здания и внешность встреченных ею людей, фиксировала характеристики оружия и машин. Весьма содержательно, хотя и без литературных красот. И без соплей. Между делом, Елизавета Браге разрешила и некоторые недоумения Лизы, заметив, что маменька, купив новое летнее платье без рукавов, начала брить подмышки, что тогда показалось Елизавете нелепым и чрезмерным. Однако через год, поступив в Академию Аэронавтики, она и сама начала брить не только подмышки, но и ноги, и «*все вообще*». Причина была тривиальна и убедительна – гигиена.

Лиза стала первой – и еще долго оставалась единственной – женщиной-пилотом в Себе-рии. Военным пилотом, если быть точным в определениях, вернее, флотским. Однако принимать ее в академию решительно не желали. Девка, да еще молодая. Пятнадцать лет! Где такое видано! Но Елизавета Аркадьевна фон дер Браге на своем настояла, ссылаясь на недавно принятый закон «о равенстве полов», и по временному постановлению военного губернатора – «до окончательного решения вопроса» коллегией Военного министерства – была все-таки допущена до испытаний. При этом она выдержала экзамены по физике и математике лучше всех остальных соискателей, имела самый большой налет на планерах, – еще бы, она же с двенадцати лет в воздухе, – стреляла одинаково хорошо с обеих рук, и вообще была полным совершенством. К тому же за нее ходатайствовали пятеро из семи великих бояр Адмиралтейства – включая родного дядю, – отказать которым никто «*в здравом уме и твердой памяти*» просто не мог. Ну, ее, в конце концов, и приняли. Приняли, и тут же начались проблемы. Курсанты спали в общих спальнях повзводно, и Елизавета заявила, что имеет право спать со всеми. Ей, разумеется, отказали и поселили в спешно приспособленной под жилье «запасной» каптерке старшины. Поселили, но возникла проблема с помывкой. Елизавета не возражала ходить в баню со всей учебной ротой, но на нее только руками замахали. Вот и пришлось раз в неделю отпускать Елизавету в город, в женскую баню. Однако во все остальное время мыться приходилось в своей комнате – тазик и кувшин – и только холодной водой, а не мыться Лиза не могла,

особенно во время цикла. Так что решение напрашивалось: сбрить все к чертовой матери и подстричь волосы «под корень», чтобы попросту не завшиветь.

Следующий казус возник, когда роту первокурсников – но, разумеется, повзводно – повели в сопровождении военного лекаря Кондрашова в бордель. О Лизе никто даже не подумал. По умолчанию предполагалось, что она останется в казарме. Но не тут-то было. Елизавета Браге потребовала соблюдения правила равенства курсантов «в получении довольствия», и начальнику курса пришлось взять ее в бордель. Описание публичного дома занимало полстраницы дневника, а само посещение оказалось для Лизы Браге ничуть не менее важным, чем для мальчиков. Антонина Павловна, мать Лизы, как-то так и не удосужилась посвятить дочь в «таинства любви» и прочие необходимые самостоятельной девушке предметы, так что навестывать упущенное пришлось в бардаке, где добросердечные шалавы открыли перед Лизой все прелести половых сношений, не забыв, естественно, и о технике вопроса. Даже посмотреть в дырочку на подвиги других курсантов разрешили. Так что, вошла она в бордель наивной дурой, а вышла циничной сукой.

За чтением дневника Лиза нечувствительно «перемолола» весь свой ранний и весьма плотный обед, попросила принести чаю с моршшкой и совсем уже собралась возвратиться к прерванному было занятию, когда к ее столику подошла незнакомая молодая женщина. Впрочем, для Лизы все здесь были незнакомцами, даже те, кого она раньше «хорошо знала». Лиза насторожилась, и это, по-видимому, не укрылось от взгляда незнакомки.

– Простите, ради бога! – сказала голубоглазая хорошенькая блондинка лет двадцати двух – двадцати трех. – Я понимаю, это неприлично, ведь мы не знакомы...

«Не знакомы! Уже хорошо!»

– Давайте оставим реверансы! – сказала она вслух. – Чем могу быть полезна?

– Я ваша новая соседка, – с явным облегчением улыбнулась блондинка. – Вы ведь живете в доме Корзухина? Я вас там видела несколько раз...

– Да, – кивнула Лиза, – я живу в доме напротив, – кивнула она в сторону своего дома.

– Ну, вот! Ну, вот! А я здесь никого, представьте, не знаю, – обрадованно затараторила блондинка. – Мужа недавно только из Ямбурга перевели. А вы такая красивая! И одеваетесь стильно. Я вас видела на показе мод в доме купца Лопатина. Вы там с Надеждой Вербицкой рядом сидели. Вы актриса? Модель? Балерина?

– Ну, какая из меня балерина! – усмехнулась Лиза. – Я ношу обувь сорок первого размера.

– Сорок первого? – округлила глаза женщина.

– Присаживайтесь! – предложила Лиза и убрала дневник в сумочку. – Меня зовут Елизавета Браге.

Ее имя, однако, никакого впечатления не произвело. Блондинка его просто никогда не слышала.

«Или слышала, но забыла...»

– Ох, извините! Я Ксения Раевская, – представилась женщина и села напротив Лизы. – Спасибо за приглашение, госпожа Браге! Но я, собственно, на минуту. Мы устраиваем сегодня вечеринку... все-таки послезавтра Новый год! Может быть, зайдете на огонек? Ну, просто по соседски. Мы живем на девятом этаже...

* * *

Сначала думала не ходить. Чужие люди, незнакомая среда, что ей там делать? Но ближе к вечеру, устав от занятий и почувствовав, что впадает в черную меланхолию, Лиза решила, что стоит попробовать. Тем более что никто ее там не знает, и любой промах можно списать на своеобразность характера и оригинальную манеру поведения.

Сказано – сделано. Вернее, не сразу и не вдруг, но она приняла все-таки душ, накрасила губы и подвела глаза. Подумала немного, играя в «гляделки» со своим отражением, и добавила пудры, чтобы губы казались ярче. Оделась «скромно и со вкусом» – в гарнитур, сшитый по эскизам Нади и в ее же ателье. Гарнитур назывался *«Принц осени»* и, как ни странно, названию соответствовал. Надела туфли на высоком каблуке, добавила к облику кольцо и серьги с изумрудами и пошла.

Спустилась на лифте до девятого этажа, прошла по коридору, ориентируясь на звуки музыки, постучала в дверь и тут же – словно ее специально поджидали – оказалась в объятиях Ксении Раевской. Впрочем, хозяйка быстро сообразила, что ее порыв неуместен, да и не обдуман. Разница в росте оказалась впечатляющей, и Ксения просто уткнулась Лизе лицом в грудь. Тогда она отпустила гостью и отступила на шаг назад.

– Ох, извините, Лиза! Я такая порывистая! Алексей! – обернулась Ксения, подзывая молодого мужчину приятной наружности. – Пожалуйста, иди сюда, мой друг, я познакомлю тебя с нашей соседкой.

Мужчина подошел, оценил рост Лизы, поднял бровь и неожиданно улыбнулся.

– Алексей Иванович Раевский, – представился он, принимая руку Лизы. – Муж этого неутомонного создания!

– Елизавета Аркадиевна Браге, – ответно улыбнулась Лиза.

По-видимому, ее фамилия показалась Алексею Ивановичу знакомой, но, разумеется, соотнести это имя с реальной женщиной «во плоти» он не смог. Зато смог кто-то другой, и даже не имя, а саму женщину.

– Лиза?! Ты?! – лавируя среди гостей, как штурмовик в зоне ПВО, к ней шел коренастый капитан-лейтенант, на лице которого отражалась неслабая игра чувств. Удивление, надежда, неподдельная радость... Все сразу и в одном флаконе. Одна беда, он Лизу знал, а она его – нет.

Следует заметить, любая встреча с «товарищами по оружию» представляла для Лизы нешуточное испытание. Начать с того, что она никогда в точности не знала, знакома она с этим человеком или нет, и если все-таки знакома, то насколько близко? В госпитале, особенно в первое время, выкручиваться было относительно легко. Лиза ссылалась при этом на плохое самочувствие и ужасный внешний вид. Звучало убедительно, и количество встреч с сослуживцами удалось свести к необходимому минимуму. Ну, а те, что все-таки случались – их было просто не избежать, – согласовывались заранее, и Лиза к ним, как могла, готовилась. Первым ее посетил командир корабля-матки Иван Николаевич Широков, однако его адъютант, предварительно созвонившийся с начальником госпиталя, упомянул в разговоре, что каперанг Широков с капитаном Браге лично не знаком, так как сменил контр-адмирала Гирса на посту командира корабля совсем недавно, но *«оно и к лучшему, так Елизавете Аркадиевне будет проще»*. И он был прав. Говорить с незнакомым офицером оказалось несложно, тем более что капитан Широков чувствовал себя с Лизой крайне неловко. Он не привык навещать в госпиталях раненых женщин, одетых к тому же не в форму или платье, а в больничный халат. Набольший адмиралтейства боярин Порхов, прибывший, чтобы собственноручно вручить Лизе знаки «Полярной звезды» и погоны капитана 2-го ранга, чувствовал себя еще хуже, чем Широков. В прошлом он встречался с Лизой несколько раз – в большинстве случаев еще тогда, когда она была ребенком, – но никогда с ней лично не общался. Проблема же адмирала состояла в том, что Порхов был любимым учеником и, в каком-то смысле, преемником адмирала Дмитрия Николаевича Браге, и от того переживал еще больше. В результате он не столько смотрел на Лизу или слушал ее, сколько старался не смотреть на нее и не слушать. А уж Лиза, ухватив нерв момента, постаралась дожать. Она была «совсем плоха», только что сознания не теряла. После этого посещения – и по ее повторной настоятельной просьбе, переданной по инстанциям – Лизу оставили в покое, приняв как должное что в этом случае «братство по оружию» отступает перед правом *«увечного воина»* на приватность, тем более, если этот военный инвалид –

женщина. Зашел, правда, зам начальника управления контрразведки, чтобы извиниться лично за «неуместную самодеятельность» своего подчиненного, но и только.

Ну, а после выписки к встречам подобного рода Лиза уже была более или менее готова. Сориентировалась в названиях кораблей и баз, фамилиях командиров и «в своем послужном списке», изучила фотографии и газетные статьи, правила и уставы. Так что, если мало говорить и больше слушать, проявлять сдержанность и демонстрировать плохое самочувствие, дурное настроение и некую – вполне простительную – отчужденность, общение с бывшими сослуживцами проходит вполне сносно и достаточно быстро сводится к минимуму. Другое дело случайные встречи, вот их Лиза боялась по-настоящему и ненавидела всей душой.

– Лиза?! Ты?!

«О господи!»

– Глазам своим не верю! – моряк, наконец, подошел и встал напротив, что называется, глаза в глаза. Роста хватило, даже с ее каблуками.

– Мы знакомы, не так ли? – спросила Лиза, пряча испуг и раздражение за маской холодноватого равнодушия и легкой отчужденности.

– Ну, не знаю! – рассмеялся незнакомец; похоже, он принял ее вопрос и выражение лица за шутку. – Человека, которому сломал нос, обычно запоминаешь!

У капитан-лейтенанта нос и в самом деле был сломан, и, хотя лицо это по-прежнему ничего Лизе не говорило – с чего бы вдруг? – историю со сломанным носом она по невероятному совпадению прочла в дневнике Елизаветы Браге как раз сегодня днем. Но вот беда, фотография Вадима Ильина была всего лишь одной из многих в любом из курсовых альбомов Елизаветы Браге, как, впрочем, и в выпускном. И все эти мужики были молоды тогда...

– Вадик, – кивнула она, все еще оставаясь невозмутимо «прохладной». – Ильин. А нос я тебе сломала во время драки в бардаке.

– Точно! – снова рассмеялся Ильин счастливым смехом человека, выигравшего первый приз. – В заведении мадам Куприяновой!

– Ты залез мне в штаны, – пожала плечами Лиза, заметив краем глаза, что свидетели их более чем странного диалога оторопели, и уж точно полны недоумения. – И ведь я предупреждала!

– Ну, конечно, предупреждала! – добродушно согласился Ильин. – Сломала и правильно сделала! Нас обормотов учить надо было, и учить, а своя юшка лучший педагог!

– Обнять-то тебя можно? – спросил, отсмеявшись. – Как офицер офицера.

– Ну что ж, – улыбнулась Лиза, вживаясь в образ, – если как офицер офицера, то можно. Только под юбку не лезь!

Обнялись. Вполне по-дружески, без намека на эротику. Как старые друзья или подруги. Где-то так.

– Мы в Академии вместе учились, – объяснила Лиза по-прежнему недоумевающим Раевским.

– В Академии? – переспросила Ксения.

– Браге! – сообразил, наконец, ее муж. – Это ж надо так опростоволоситься! И ведь мне показалось, что фамилия знакомая. Извините, госпожа кавалер!

– Вообще-то не кавалер, а кавалерственная дама, – усмехнулась Лиза, вспомнив разъяснения к уложению о награждении высшими орденами республики. – Но, знаете что, Алексей Иванович, давайте не будем усложнять! По имени-отчеству, мне кажется, в самый раз!

– Почту за честь, Елизавета Аркадиевна, – поклонился Раевский и, подхватив жену под руку, увлек куда-то в глубину гостиной.

– Н-да, вот так встреча! – покачал головой Ильин. – Может быть, выпьем?

– Отчего бы не выпить! – согласилась Лиза.

Отошли к буфету. Закурили. Ильин, спросив взглядом, налил обоим водки.

– За тебя, за живую и красивую!
– Про живую согласна, – кивнула Лиза, опрокинув стопку в рот. – А про красивую оставь!
– Зря ты так! – покачал головой Ильин. – Ты многим нравилась. Еще по одной? Или тебе нельзя?

– Мне можно, – криво усмехнулась Лиза. Временами ей трудно было понять, играет она Елизавету Браге или это «ее собственное».

Выпили. Постояли молча.

– Ты где сейчас? – спросила она, просто чтобы прервать неловкую паузу.

– Первым помощником на «Гогланде».

«Гогланд», – вспомнила Лиза раздел «Опознавание судов» из Морского справочника, – крейсер 1-го класса, низко-высотный, потолок пять или шесть верст, артиллерия главного калибра 18 фунтов, сиречь... 137 миллиметров... Совсем неплохо!»

– Ну, и как служится?

– Вам, истребителям¹, не понять! – улыбнулся Ильин. – Но ты же знаешь, если что, решать будут отряды крейсеров, разве нет?

– А разве да? – подняла бровь Лиза. – Будь у меня, Вадик, в Опочке звено, я бы поляка в гроб уложила, как два пальца...

– Это мужская присказка! – хохотнул Ильин.

– Много ты знаешь! – огрызнулась Лиза, которой неожиданно пригрезилось, как она атакует тримаран полным звеном.

«Бред какой-то!» – она вдруг посмотрела на Ильина другим взглядом. Не как испуганная «иностранка», и не как однокашница по Академии, а как женщина на мужчину.

«Если забыть...», – но о чем она собиралась забыть, Лиза уже не помнила, зато отметила ширину плеч Ильина, крепкую шею, волевой подбородок и много чего еще, включая большие ладони и темные – «цыганские» – глаза.

– Ты здесь каким боком? – спросила, все еще неуверенная, что способна на безумие.

– Меня приятель привел, он с Раевским в Военном министерстве служит, тыловое обеспечение...

– То есть ты здесь один? – прервала его Лиза, чувствуя, как убыстряется ход сердца и проседает голос.

– Ты серьезно? – смутился Ильин.

– Не хочешь, не надо! – получилось излишне резко, но что есть, то есть.

Лиза повернулась и пошла прочь ровным шагом и с каменным лицом. Но Ильин ее не отпустил. Догнал. Придержал за локоть.

– Ну, ты, как была дикая, такой и осталась!

– На любителя, – пожала плечами Лиза. – Ты идешь?

– А ты думала, нет?

* * *

Стресс, гормоны и алкоголь – страшная смесь. Но главное – припоминая творившееся ночью безумие, Лиза не могла теперь с определенностью сказать, «кто вел партию»: она или Елизавета. Более или менее ясным оставалось лишь то, что «начала» все-таки Лиза. Это ей пришли в голову «разные мысли», ей понравились глаза и руки Вадима, и именно она увела Ильина в свои апартаменты. Как относилась к Вадиду Елизавета, было неизвестно, но, судя по некоторым его репликам, Ильин на свой счет не заблуждался. И уж точно, что в прошлом

¹ В этом мире истребители летают на штурмовиках. Называть пилотов штурмовиков штурмовиками не хотелось из-за очевидной отрицательной коннотации этого слова в русском языке.

у них никогда ничего не было. Так что все-таки Лиза. Однако позже, в постели и до нее, а также после, то есть практически везде, начиная с гостиной и заканчивая ванной комнатой, партию вела, скорее всего, Елизавета Браге. Лиза замужем не была, но мужчины в ее жизни случались. Не девственница, одним словом, да и не простушка. Кое-что попробовала сама, о другом слышала от подруг, но *такого и так* никогда не умела и даже вообразить себе не могла. Одна «верховая езда» на капитан-лейтенанте чего стоила! Но как бы то ни было – кто бы на самом деле ни взял верх, Лиза или Елизавета, – удовольствие от «*этих игр*» Лиза получила немереное, и капитан-лейтенанта Ильина заездила едва ли не до смерти.

Впрочем, как порядочная женщина, – что скорее, относилось к Лизе, чем к Елизавете, – утром она дала мужику опохмелиться, накормила плотным завтраком, напоила крепким кофе, да и отправила восвояси, разрешив Ильину – так и быть – «*как-нибудь позвонить*». Вадим ушел, но в течение всего дня настроение у Лизы было отличное. Послевкусие страсти ее не покидало, а муки совести и прочие отголоски «морального облика строителя коммунизма» если и посещали, то редко и ненадолго.

После ухода Ильина Лиза немного посибаритствовала: посидела, покуривая, в горячей ванне, послушала Моцарта в записи Новгородского симфонического оркестра, выпила бокал шампанского – не все же пить водку, в самом деле! – потом, укрывшись теплым пледом, вздремнула в кресле, компенсируя ночной недосып, но в одиннадцать утра была уже «в строю». Сварила кофе, устроилась в кабинете и открыла очередную тетрадь дневника Елизаветы Браге. «1917–1921». Захватывающее чтение, и эмоционально – хотя там и не было почти никаких эмоций, – и содержательно. Знакомство с «кузиной Надин», их «странная любовь», мичманские погоны, полеты на штурмовиках, учебные бои, сопровождение конвоев, лейтенантские погоны, и служба на восточной границе, а граница с Киевом в то время была самой сложной. Молодой великий князь играл мускулами, постоянно то здесь, то там, проверяя оборону себя-рян на прочность. А значит, пилотам дежурных звеньев скучать не приходилось. Летали. В любую погоду, днем и ночью. С примитивными дальномерами и радиоискателями, на мало-мощных дубасах и лодьях первых серий. И опять, как и накануне, казалось, что Лиза не столько читает, сколько пишет сама, переживая события тех дней вместе с автором дневника. Ничего определенного, но тем не менее обрывки эмоций, ощущения – холод, например, или тепло, прикосновение Надиных губ, – «моторная», даже скорее, вестибулярная память о полете в пургу. Зрительный образ идущего на перехват киевского «кречета», который, судя по записи от 17 июня 1920 года, Елизавета благополучно «уронила» в Северную Двину. Медаль, внеочередное производство, братец Гриня, поездка в Венецию, знакомство с Петром...

Ближе к вечеру позвонила Надя, заставив Лизу спуститься с небес на грешную землю, где так неплохо порой грешилось, что кровь закипала от одних только воспоминаний.

– Привет!

– Здравствуй, Надя! – ответила Лиза таким голосом, что Надежда тут же насторожилась.

– Ты не одна?

– Одна, к сожалению.

– От сожалений не кончишь! – хохотнула подруга. – Ладно! К делу. Давай скоренько одевайся, бери извозчика и приезжай ко мне в ателье. Мы тут с Клавой таких костюмов напридумывали, обидно будет не надеть!

Клава являлась более или менее постоянной Надиной подругой уже в течение трех лет, что для такого рода отношений большая редкость, тем более когда обе женщины красивы и на виду, а Клавдия Добрынина была на редкость красивой женщиной. Высокая брюнетка с синими глазами, сложенная, как греческая богиня, да еще и обладательница редкого по силе контральто с невероятно широким диапазоном грудного регистра. Умная, элегантная, артистичная, она редко пела в опере, но часто и охотно появлялась то на подиуме, то на театральной сцене, иногда давала сольные концерты, и всегда с аншлагом.

– Какие костюмы? – опешила Лиза, все еще находившаяся под впечатлением «полетов в Арктике» и «собачьих свалок» с киевскими истребителями.

– Заинька, у тебя обострение или как? – возмутилась Надежда. – Завтра же маскарад во дворце князя Василия!

– Точно! – опомнилась Лиза. – Мне даже персональное приглашение прислали.

– А я о чем! Там весело будет, но без костюма никак нельзя. В особенности тебе, зайчика! Ты же не хочешь, чтобы все «сапоги» Шлиссельбурга перед тобой расшаркивались?

Разумеется, Лиза этого не хотела, а потому еще через час была уже в ателье Вербицкой на Староладожском бульваре. Здесь, что называется, было весело. На всех трех этажах дым коромыслом, и Содом с Гоморрой в одном флаконе. Швеи шьют, художники пьют, закройщики орут, по углам гомики целуются, и такое невероятное количество полураздетых красавиц, что попади сюда незнакомый с миром высокой моды мужик, наверняка подумает, что попал в специальный мужской рай.

Лизу сразу же подхватил этот веселый ураган и увлек куда-то в недра ателье, где ее раздели до исподнего, сунули в руку бокал шампанского, и принялись драпировать и примерять, одновременно рассказывая скабрзные анекдоты, смеясь и переругиваясь.

– Нет, это не то! – кричала Клава. – Так вы мне испортите красавицу!

– Я не красавица! – смеялась Лиза. – Эй, Надька, ты что! Если декольте будет шире, как раз шрам вылезет!

– Точно! – соглашалась Надежда. – Тогда давай так! Спереди прикроем выше ключиц, зато сзади откроем до самого крестца.

– Ты бы еще до копчика предложила! – возмутилась Лиза.

– Хочешь до копчика, откроем, как не фиг делать! – ухмыльнулась Надежда.

В конце концов, сошлись на пояснице.

– А панталоны у вас такие есть, чтобы поясницу открывали? – по-деловому спросила одна из Надиных моделей.

– А зачем ей панталоны? – засмеялась Клавдия. – У нее платье длинное, никто и не заметит!

– У меня есть заниженный кюлот, – предложила Лиза, которой не хотелось ходить без трусов даже под длинным платьем.

– Кюлот будет торчать, – возразила Клава.

– Шурочка! – обернулась Надежда к одной из своих помощниц. – Посмотри там, в белье. Кажется, у нас были французские тонг, только я не помню, есть ли там Лизин размер. Медиум, я права?

– Права, – кивнула Лиза. – Можно я закурю?

* * *

В конце концов, платье вышло такое, что «умереть не встать!», но одевать его пришлось действительно на голое тело. Ни бюстгальтер, ни трусы с достаточно высокой линией талии – а других здесь еще не было – к этому чуду не подходили.

– Ладно! – махнула рукой Лиза. – Проехали! Пусть думают, что шлюха.

– А под маской, глянь, – улыбнулась Надежда, – целый полковник!

Маску Лизе сделал Соломон Дегтярь – скульптор из первых в Себерии и уж точно – в Шлиссельбурге. Белый атлас на легком каркасе, а на нем нарисованное гением лицо. Красивое, но холодное.

– Снежная королева, – оценила маску Клавдия.

– Так и задумывалось, – пожал плечами Дегтярь. – Мой совет, капитан! – обратился он к Лизе. – Наденьте длинные белые перчатки выше локтей и встаньте на самые высокие каблуки,

на каких устоите. А волосы заплетите в косу, но не обычную, а в ту, что называется «водопад». В четыре пряди, и чем-нибудь красивым зафиксировать.

– Я не умею, – растерялась Лиза.

– Я умею! – вызвалась помочь Клавдия.

– А скрепим атласной лентой в цвет маски, – предложила Надя.

На том и порешили.

* * *

И вот спустя сутки Лиза входила во дворец князя Ижорского. Странно было слышать этот титул, в голове все время крутилось словосочетание «Ижорский завод», но завод тот остался где-то там, в далеком и недостижимом теперь СССР, где Лиза, скорее всего, уже умерла, или в лучшем случае лежала в коме.

Она опустила на лицо маску и вслед за Клавдией, одетой в костюм «Жар-птица», вышла из локомотива. Третьим шел актер кино Земский, который Лизу не знал, и разоблачить ее инкогнито, соответственно, не мог. Поднялись по широкой лестнице к парадным дверям, предъявили распорядителю свои пригласительные билеты, и маскарад начался.

Клавдия было позвала за собой, но Лиза намеренно отстала и растворилась среди гостей. Прогулялась неторопливо, привыкая к высоте каблуков – четыре дюйма все-таки! – присматриваясь, прислушиваясь и ни о чем особенном не думая, просто существуя, что доставляло ей лёгкую, ничем не замутненную радость.

«Я умерла, – подумала с неожиданным спокойствием, – два раза. Там и здесь. И вот я живая, а вокруг праздник...»

В бальном зале танцевали, но Лиза этих танцев не знала, а Елизавета никогда танцевать не умела. Отвернувшись от вальсирующих пар, вошла в просторный коридор.

– Не любите танцевать, или настроение такое? – голос сзади, из-за плеча. Мужской, приятный.

– Не люблю, – ответила, не оборачиваясь, но готовая продолжить, если мужчина проявит настойчивость.

– Может быть, бокал шампанского?

– Может быть...

Как назло, им не встретилось ни одного лакея. Вот только что, казалось, натыкалась на них везде; на них и на эти их подносы с бокалами, а когда понадобились, как корова языком слизала.

«Вот ведь!...» – и тут Лиза почувствовала запах табачного дыма и услышала характерные щелчки ударяющихся друг о друга бильярдных шаров.

«Серьезно? – удивилась она. – Во время маскарада?»

Но, по-видимому, правилам хорошего тона это не противоречило. В бильярдной оказалось довольно много народу, притом не одних только мужчин.

– Играете? – Мужчина просто спросил, без подтекста. Ни иронии, ни порицания. Вопрос между делом.

– Играю, – подтвердила она с той же интонацией, что и он, – но не сейчас. Давайте просто посмотрим!

Теперь она к нему обернулась, смерила взглядом. Высокий, чуть ниже нее на этих ее одиннадцатисантиметровых каблуках. И сложен неплохо. Не богатырь, но и не хлюпик.

– Елизавета Аркадьевна, – сказал мужчина, встретив ее взгляд, – мне, право, неловко нарушать ваше инкогнито, но промолчать было бы куда хуже. Согласны?

«Вот же оказия! Нигде от вас не скрыться!»

– Мы знакомы? – Лиза лишь надеялась, что он не услышит интонации обреченности в ее вопросе.

– Я вас знаю, вы меня – нет.

– Как так? – удивилась Лиза.

– Мне вас один общий знакомый показал.

– Кто, если не секрет?

– Каперанг Добрынин.

Увы, но Лиза каперанга не знала. Елизавета – да, она – нет.

– А смысл?

– Хотите выпить? – вопросом на вопрос ответил мужчина и кивнул в сторону буфетной стойки.

– Вы, сударь, еще не представились, а уже предлагаете девушке выпить. – Усмехнулась Лиза. – Выглядит подозрительно, да и выговор у вас странный. У нас так не говорят.

– Вы правы, – кивнул мужчина. – Извините! Выговор у меня новоархангельский, я Райт. Иан Райт!

– Англичанин?

– Нет, дворняжка! – улыбнулся мужчина.

– Что вы имеете в виду? – нахмурилась совсем сбитая с толку Лиза.

– Давайте, я принесу выпивку, и мы с вами все обсудим. Итак?

– Ладно, – согласилась Лиза, которую Иан Райт умудрился заинтриговать. – Принесите мне старки. Да, смотрите, Иван, не в рюмке, а в стакане. На два пальца будет в самый раз.

– Пальцы мои?

– Ваши!

На «Ивана» Иан не отреагировал, видать, она не первая переименовала его имя на русский лад. Лиза проводила мужчину взглядом. Походка хорошая, уверенная, и да!

«Он же авиатор! – поняла она, оценив, как Иан ставит ноги при ходьбе. – Военный? Да нет, вряд ли... Скорее, торговый флот».

Она достала из сумочки портсигар, маленький на шесть папирос, но со встроенной бензиновой зажигалкой. Закурила. Затянулась, выдохнула дым, а тут и Иан вернулся со стаканами в руках.

– Прошу вас!

– Спасибо! Так что вы начали рассказывать про дворняг?

– Матушка у меня русская из Ситки, – объяснил Иан, – а отец американец из Нового Амстердама.

– Что ж, биография как биография, – чуть пожала плечами Лиза. – А ко мне что за интерес? Только не врите, что влюбились!

– Ну, лица я вашего пока не видел, однако фигура у вас, Елизавета Аркадьевна, весьма хороша. Это комплимент. А дело простое, мне нужен пилот.

– Уссаться можно! – фыркнула Лиза и сделала глоток старки.

– Я в курсе ваших проблем, – на полном серьезе сказал Иан и тоже выпил.

– Ваня, – улыбнулась Лиза, – вы, может быть, и «в курсе», но только я разбилась насмерть.

– А это тогда кто? – показал на нее пальцем Иан.

– Тень отца Гамлета! – резко ответила Лиза и одним глотком допила все, что у нее еще оставалось в стакане.

Выпила, выдохнула, затянулась табачным дымом.

– Я больше не пилот, Иан. Увы!

* * *

Она оставила американца в бильярдной и ушла гулять среди масок. Много пила. Еще больше флиртowała. Один раз даже согласилась на танец, но едва не рухнула, запутавшись в подоле платья.

«Не мое!»

Домой вернулась под утро. Раздевалась на ходу, но до кровати все-таки добралась. Упала, натянула на себя одеяло и провалилась в сон.

* * *

Ей снилось небо. Разное и при разном освещении. Чистое, прозрачное, пронизанное солнечными лучами, и темное, низкое, занавешенное сплошной пеленой туч. Снились крейсера и фрегаты, десантные шняки и штурмовые кочи, брандеры с дистанционной системой управления, и раз за разом снилось, как прорывается она сквозь заградительный огонь польского тримарана и садит в правую гондолу из двадцатимиллиметровой пушки бронебойными снарядами с сердечником из деплеталю.²

«Умри, сука! Умриии!!!»

* * *

Проснулась в поту, едва соображая, кто она и где. Сердце колотилось, как бешеное, а перед глазами плыли багровые облака.

С трудом выдралась из сна. Доплелась до ванной и последним усилием воли втокнула себя под ледяной душ. Стояла, сжимая зубы, широко открыв глаза. Терпела и терпела, как истая великомученица. По-видимому, долго терпела, потому что, когда вылезла, была синяя, как утопленница, и зуб на зуб не попадал. Но оно и к лучшему, растерлась, как смогла, полотенцем, закуталась в теплый халат, накинула на плечи плед и потащилась, продолжая дрожать, в кабинет. Там у нее был устроен главный бар, и выбор был на любой вкус. А сейчас и повод нашелся: общий упадок организма, депрессия в острой форме и колотун, от которого сводило мышцы ног и живота. Дрожащими пальцами цапнула, что первое под руку попало, налила, расплескивая, в хрустальный стакан, и уже двумя руками поднесла его к губам. Клацнула зубами – дрожь пробивала не на шутку, – но все-таки удержала стакан у рта и выпила глоток за глотком все, что в нем было. Вкуса не почувствовала, крепости тоже. Так можно было пить хоть воду, хоть молоко. Но это было не молоко. Стало теплее. Сначала в животе, а потом уже тепло пошло распространяться по всему телу. Тогда Лиза налила себе еще полстакана коньяка – а был это, оказывается, именно коньяк, – села в кресло за письменным столом, закурила деловито и вдруг заплакала. Уронила папиросу в пепельницу, отставила стакан и завывала от тоски и безысходности. Рыдания душили ее, прокатывались волной, сотрясая все тело, и было неизвестно, о чем она плачет на самом деле. С чем она расставалась в этот момент, и кто была эта Она? Лиза ли окончательно прощалась со своим миром, родными и друзьями, с коллегами по работе и с самой работой, или Елизавета отпевала свою мечту о высоком небе? Бог весть...

² По-видимому, русско-новгородская разговорная вариация на тему слова depletalloy (так некогда назывался обедненный уран).

Глава 2. Старая девушка

Апрель, 1931

В понедельник позвонил Ильин.

– Ты что-то зачастил! – усмехнулась в трубку Лиза. – Не дай бог, влюбишься, хлопот потом не оберешься!

– Странная ты женщина, Лиза! – вздохнул на другом конце провода Вадим. – Ну чем тебе любовь не угодила?

Разговор не новый и вроде бы в шутку, но Вадим, похоже, в нее влюбился по-настоящему, хотя и боится признать это вслух. Себя боится, но ее, кажется, больше, и не напрасно! Лизе его любовь ни к чему. Сама она к Ильину ничего такого не испытывала, и от него никаких особых чувств не ожидала. Зачем? Ей и так хорошо. Вадим отменный любовник: сильный, в меру нежный, в меру грубый. Умеет поддержать компанию, во всех смыслах этого слова, и при этом не хам. Воспитанный мужчина, симпатичный, интеллигентный. Опять же – авиатор. Одним словом, не раздражает, и слава богу!

Крейсер Ильина стоял на капитальном ремонте в Арсенальных доках, и они с Лизой виделись достаточно часто, хотя Вадим имел по этому поводу «особое мнение». Для него раз в неделю означало – редко, но Лизе этого пока хватало, а чаще встречаться – можно и привыкнуть. А привыкать – плохая затея. Да и не скучно ей было без Ильина. Лиза плотно встроилась в Надину компанию, пеструю, словно ярмарка, веселую, аки кутеж, и разнообразную, как жизнь. Ей с этими людьми было хорошо, не только когда курила с ними гашиш или пила шампанское. Она вполне могла обойтись и без алкоголя, тем более без кокаина. Другое дело – хорошие люди. Без них не проживёшь! А с ними – жизнь и в самом деле, похожа на праздник, даже если летать теперь – не судьба.

– Странная ты женщина, Лиза! – вздохнул Вадим. – Ну чем тебе любовь не угодила?

– Ты какую любовь имеешь в виду? – попробовала Лиза свести опасную тему к шутке. – Плотскую али любовь к Родине? Так в постели не мерзну, а за любовь к родине «Полярную звезду» ношу!

На самом деле не носила. Мундир так ни разу за все это время и не примерила, тем более не красовалась алмазной звездой. В ресторанах и на вечеринках, где она проводила время с Надеждой и Клавдией, в ателье костюмеров – так здесь называли модельеров и кутюрье, – и в мастерских художников, где Лиза иногда засиживалась допоздна, мундир и ордена выглядели бы более чем странно. В опере и на лыжной прогулке, впрочем, тоже, а Лиза в эту зиму бегала на лыжах много и с удовольствием. Иногда в близлежащем парке, а иногда в Кобонском боре. Собирала друзей и друзей этих друзей, и они все вместе ехали к ней на мызу, оказавшуюся настоящим маленьким замком. Выпивали, не без этого, но только вечером – после бани, а днем ходили на лыжах, катались на финских санках, просто гуляли по окрестным дорогам, когда те не были завалены снегом. Местность красивая, и в хорошую погоду – гуляй не хочу.

– Ладно, сдаюсь! – «сдал назад» Ильин. – Ты свободная женщина в свободной стране. Делай, что вздумается, иди, куда хочешь!

– Это ты меня так элегантно посылаешь? – поинтересовалась заинтригованная Лиза.

– Ни в коем случае! – возразил Ильин. – Лично я приглашаю тебя в кабак. «Антарная баженица»³ подойдет?

«Любимая из янтара? Янтарная любовница? Вот такое название? Умереть не встать!»

– Это где? – спросила вслух.

³ Поморский говор русского языка.

- В Старой Гавани. Неужели никогда не бывала?
- Вадик, ты знаешь, сколько в городе кабаков?
- Ну, не была так не была, тебе же лучше! Будет сюрприз! Я за тобой заеду, если не возражаешь, в 20.00?
- С боем курантов?
- Я же авиатор!
- Ну да, – согласилась Лиза. – Ты авиатор. Можешь переходить ко второй части.
- Откуда знаешь? – удивился Ильин.
- Догадалась. Итак?
- Адмирал Ксенофонов передает через меня официальное приглашение посетить крейсер «Гогланд» девятого дня сего месяца в 10 часов утра по Гринвичу и принять участие в торжественном построении экипажа по случаю окончания ремонтных работ. Фуршет прилагается.
- Ты что, читаешь?
- Разумеется, – подтвердил Ильин. – Официальное приглашение передам вечером...

* * *

Утром, когда Ильин уже ушел, а других дел пока не нашлось, Лиза решила починить старенький гироплан – доходягу, хранившийся в бывшей конюшне Кобонского бора. Просто из интереса, ну и чтобы не спиться. Так, наверное.

Дело в том, что к великому своему огорчению, Лиза так и не нашла себе до сих пор никакого полезного занятия. Между тем положение «увечного воина», с одной стороны, и богатой аристократки – с другой, развращало, как развращает всякое бесцельное существование. Пускаться в загулы не профессия, если, конечно, ты не кокотка. Сидеть за кулисами оперы, наблюдая, вернее, слушая, Клавдию Добрынину в «Князе Игоре» или «Золоте Рейна», – не работа, а удовольствие. Можно еще помогать Наде, но ни талантом художника, ни мастерством закройщика Лиза не обладала. Еще хуже, однако, сидеть дома, на Смольной улице, или на мызе, в Кобонском бору, и бесконечно читать умные книжки, смотреть дурные фильмы по радиоскопу – так называли в Себерии телевизор, – или, маясь от безделья, заниматься совсем уж дурными делами, вроде пальбы из всех имеющихся в наличии стволов по бутылкам и консервным банкам. Чего-чего, а книг и огнестрелов у Лизы было достаточно. А вот какой-нибудь положительной профессии – не было. То есть была когда-то, но сплыла «по состоянию здоровья». Однако, положив руку на сердце, Лиза вряд ли бы пошла теперь в пилоты, даже если бы ее не списали вчистую. Она не Елизавета, и этим все сказано. Оставалась, правда, возможность получить диплом инженера-электрика. Или механика, что тоже не исключено. В конце концов, формально Елизавета знала технику совсем неплохо, – во всяком случае, была обязана знать, – ну а Лизе сам Бог велел! Надо было лишь подверстать свои знания к местным реалиям, да, может, быть взять в университете курс или два, а там, глядишь, и инженерный патент смогла бы получить. Одна беда, ее совершенно не тянуло к электротехнике. Раньше – да, а теперь – нет. А вот разобраться с автожиром – ведь этот их гироплан не что иное, как автожир – было бы любопытно.

Сказано – сделано. Прихватила из дома пару книжек и несессер с инструментами и, кликнув извозчика, поехала на мызу. По правде говоря, стоило, наверное, купить уже какую-нибудь «самоходную повозку» и ездить самой. Но паромобили были, на взгляд Лизы, крупноваты, а агрегаты с двигателями внутреннего сгорания, в известном смысле, примитивны. Просто багги какие-то, а не полноценные авто.

Между тем за мыслями о своем, «о девичьем» Лиза и не заметила, как добрались до места. Приехали в «замок» – а Кобонский бор и был, собственно, замком, – заехали во двор. Лиза расплатилась, отперла дом, и первым делом озаботилась «системами жизнедеятельно-

сти»: подняла массивный рубильник на мраморном распределительном щите, подключая дом к сети. Сняла стопор с колеса, погруженного в малый, но быстрый приток Кобоны, пустив воду в трубы. Разожгла огонь в камине в комнате, служившей ей кабинетом, и затопила печь, обогревавшую спальню и «совмещенный санузел». В самом «санузле» пришлось еще растапливать угольный водонагреватель, но, если браться за ремонт старого автожира, лучше иметь хороший запас горячей воды, чтобы вечером смыть с себя всю собранную за день грязь.

– Ну что ж, все вроде бы в порядке... – Лиза спустилась в подвал и принесла в кабинет пару банок мясных консервов, банку острого турецкого салата – перец, лук и помидоры, и до хрена всякой зелени, – пачку галет и баночку земляничного варенья. Выпивка, чай, кофе и сахар хранились в буфетном ящике, так же как и нехитрый «инструментарий» – медные кофейник и чайник, чугунный котелок и такая же черного чугуна сковорода. Решетка и пара шампуров, да крючки для чайника и котелка. Зимой, если без прислуги и гостей, Лиза готовила прямо в камине, чтобы не заморачиваться. На этой же идее остановилась и сейчас.

Пока разгорались березовые дрова – их завозил на мызу лесник с ближнего кордона, – Лиза переделалась в старый кожаный комбинезон, в каких летали пилоты лет тридцать назад, сменила обувь и нашла шерстяную шапочку, чтобы запрятать волосы. Пока искала перчатки, настало время закрывать выюшки. Так что в конюшню Лиза отправилась только после того, как обеспечила тыл.

– Ну-с, уважаемый, на что жалуемся?

Она обошла машину вокруг, постучала костяшками пальцев по корпусу, крашенному в голубой – подвыцветший от времени – цвет. Оказалось, алюминий.

– Совсем недурно, для комнатной собачки... – Лиза щелкнула замком и откинула плексигласовый колпак. Кокпит, как и следовало ожидать, крохотный, и для Елизаветы – с ее-то габаритами, – что называется, впрытик. Приборная панель примитивная, ручка управления, располагавшаяся между ног, рычаг управления двигателем под правой рукой. В целом разумно, экономично и максимально просто: крен, тангаж и тяга. И даже ниша для чемодана за спиной пилота предусмотрена. Ну и все остальное тоже правильное и ни разу не избыточное: несущий винт отклонен назад, толкач прикрыт защитным кожухом и сразу за ним – два вертикальных руля. Все вроде бы на месте. Ничего не сломано. Может быть, он, вообще, исправный?

Лиза залезла в кокпит, и на дурака – типа бог убогих любит – попробовала машину завести, но, разумеется, не смогла. Для начала электрическая сеть оказалась абсолютно мертвой. Ноль напряжения, но это устранимый дефект. Снизу, как раз под задницей пилота, должен находиться аккумулятор, который наверняка давно сел, – и разъем для временной подпитки от любого внешнего, но, разумеется, стандартного источника.

Лиза вылезла из автожира, нагнулась и, заглянув снизу, сразу нашла технический лючок...

* * *

Работала допоздна, измыгалась с ног до головы и устала, как собака, но душ принимала в приподнятом настроении, что называется, «довольная до ушей». Еще бы! Все, до чего дотянулась, проверила и, где надо, починила. Прежде всего, проводку, клеммы и разъемы, изоляцию проводов. Больше с электричеством ничего делать было не нужно, кроме замены аккумулятора, разумеется, но аккумулятор Лиза еще днем заказала в Кобоне, и завтра с утра его обещали завести, так же как несколько деталей для муфты ротора, редуктора и демультипликатора. Пока же она там все перебрала, почистила и смазала, а сам двигатель оставила «на сладкое», решив заняться им с утра – на свежую голову.

Выбралась из-под душа и только успела вытереться и одеться, как зазвонил телефон. Возможно, он звонил и раньше, – Лиза могла его просто не услышать, – но сейчас затрезвонил как раз тогда, когда она вошла в кабинет.

– Браге у аппарата, – сказала она в трубку, пододвигая к себе свободной рукой бутылку коньяка, – слушаю вас.

– Э... – то ли блеяние, то ли мычание.

– Говорите! – потребовала Лиза, не любившая, когда люди не могут в трубку и слова сказать. Не умеешь говорить, зачем тогда вообще звонить?

– Здравствуй, Лиза, это я! – сказал низкий мужской голос.

– Ну, и кто он этот «ты»? – спросила она, свинчивая с бутылки колпачок.

– Ты в своем праве, – вздохнул мужчина. – В конце концов, я должен был навестить тебя еще в госпитале... Все-таки муж... хоть и бывший... и...

Голоса Петра Лиза, понятное дело, не знала, но сообразить, кто ей звонит, было несложно. Сам сказал.

– Рожай уже! – предложила она и плеснула себе в стакан буквально «пару капель» коньяка.

– Елена Константиновна устраивает семейный обед, – голосом обреченного на казнь сообщил Петр.

– Что, серьезно? – удивилась Лиза и нервно «цапнула» папироску из открытой коробки.

– Говорит, старая стала, скоро помрет. Хочет всех видеть.

– Когда? Где? – спросила, закуривая.

– В Гатчине, разумеется. Послезавтра.

«Гатчина? – задумалась Лиза. – Что-то знакомое... Ах да! Это же Троцк! Старое название, вот в чем дело!»

– Ну, Гатчина так Гатчина, – сказала вслух и сразу же приложила к стакану. – А кто будет?

– Да все! – вздохнул Петр. – Мы с Варварой, братец твой с невестой, как раз знакомить с семьей привезет, Виктор с Дарьей, Татьяна с Иваном, Ольга Николаевна, ну, и дети, конечно.

– Зоопарк! – сказала Лиза, вспомнив посвященный семье пассаж из дневника Елизаветы. – Вольер с макаками!

– Зря ты так! – возразил Петр. – Это они к тебе, может быть, неласковы, а так – милейшие люди.

– А я им чем мешаю? – спросила Лиза, пыхнув папироской.

– Ты в шаблон не укладываешься. Помнишь, у нас с этим тоже возникли проблемы?..

– Твои проблемы, Петя, стояли раком, если забыл, в моей собственной постели!

Эту сцену Елизавета Браге описала в таких подробностях, что впору было заподозрить ее в мазохизме. Но, скорее всего, она просто фиксировала убогую «прозу жизни».

– Ну, извини!

– Извинения приняты, – Лиза решила пока не обострять. – Напомни мне, как к дому на машине подъехать?

Вопрос не такой уж и странный, если учесть, что в зрелом возрасте Елизавета в доме бабки была считанные разы.

– А ты откуда поедешь? – Петр вопросу не удивился, и, значит, она все правильно сказала.

– Петя, ты же банкир! – искренно удивилась вопросу Лиза. – Или вас совсем думать не учат? Только деньги считать?

– А! – Петр, разумеется, был не дурак, но иногда, когда говорил с Елизаветой, попросту терял способность соображать. – Значит, вернешься в Шлиссельбург и поедешь через Мгу на Гладкое, потом на Войсковицы и в Колпанах свернешь на Гатчину, так?

– Так! – подтвердила Лиза, лихорадочно пытаясь вспомнить карту.

– Ну, тогда, просто! Свернешь на Петровское шоссе, потом по Двинской до большого перекрестка...

Он говорил, а она слушала. Слушала, запоминала, рисуя в уме карту, которую позже наложит на обычную – географическую.

– Значит, приедешь?

– Не боишься?

– Нет, с чего бы? Хотела бы застрелить или покалечить, в тот день – самое время было!

– Ну да! Есть в этом что-то...

На том и распрощались.

* * *

Наверное, ей стоило бы пропустить эту «теплую» семейную встречу. В конце концов, это не ее семья, не ее родственники, не ее враги. Так что, отказ и игнорирование – лучшая политика. Но с некоторых пор Лиза не только жила жизнью Елизаветы, стараясь ничем не выбиваться из образа и не привлекать к своей особе излишнего внимания. Она в какой-то мере жила за капитан-лейтенанта Елизавету Браге. Делала то, что Елизавета хотела делать, если верить ее дневнику, но не делала, исходя из очень разных обстоятельств и соображений. Из чести мундира, например, или страха выглядеть «чересчур женщиной». Теперь все это перестало быть актуальным, и Лиза могла себе позволить одеться, как хочется, пить, где придется, и общаться с теми, кого выбрала. Но, с другой стороны, такое положение дел накладывало на Лизу определенные обязательства. Она не могла допустить, чтобы было задето достоинство Елизаветы, чтобы кто-нибудь обидел ее, оскорбил или унизил. Лиза могла надеть платье прямо на голое тело и устроить дебош в компании гомиков и лесбиянок, но показаться слабой в образе Елизаветы Браге права не имела. Поэтому и решила ехать.

Семейные обстоятельства Елизаветы оставляли желать лучшего. Ее отец, Аркадий Николаевич Браге был военным инженером. Вернее, оружейником. Работал в Псковском и несколько позже в Новгородском Арсеналах. Умный, если не сказать талантливый, образованный и воспитанный, полковник Браге был еще и просто хорошим человеком. Он любил свою жену – при том, что взял замуж «девушку с ребенком», и воспитывал Григория как родного сына, – но больше, вернее, более искренно он любил Елизавету, и отнюдь не за то, что она-то ему была как раз родной. Елизавета отвечала отцу взаимностью и в гораздо меньшей степени любила и уважала свою «маменьку», у которой на уме были «всякие глупости», а для мужа и детей ни времени, ни внимания уже не оставалось. Елизавета ее не осуждала – во всяком случае, став взрослой и сообразив, что к чему, – но нежности к Антонине Павловне Браге – в девичестве Берг – не испытывала. Впрочем, отец Елизаветы погиб, когда ей было всего шестнадцать лет – на Новгородском Арсенале произошел взрыв нового боеприпаса, а мать спустя одиннадцать месяцев после его смерти снова вышла замуж. Однако Аркадия Николаевича пережила ненадолго – умерла во время эпидемии кантонского гриппа. И с этого времени центр тяжести в «семейных отношениях» переместился в дом Елены Константиновны Вересевой – бабушки Елизаветы по отцовской линии. Семья матери отпадала по вполне очевидным обстоятельствам – с ними и при жизни Антонины Павловны никогда не общались, – а из Браге к тому времени в живых оставались лишь Дмитрий Николаевич, бессемейный, старший брат отца, и многосемейная Ольга Николаевна Шумская – младшая его сестра. Адмирал все больше служил и «на огонек» заглядывал редко, предпочитая встречаться с матерью на «нейтральной территории» – в Ниене, Новгороде, Шлиссельбурге или еще где. Елизавета же в доме бабки чувствовала себя чужой. Ничего общего со всей этой компанией, никаких точек соприкосновения. Исключительно одна сухая вежливость, да и то лишь до определенного момента. Обстоятельств, ухудшивших и без того паршивые отношения, было, собственно, два. Во-первых – и,

в сущности, это была главная причина, – Елизавету в этой компании не любили, считая отчего-то синим чулком и старой девой, даже при том, что она все-таки сходилась однажды замуж, пусть и ненадолго. И, во-вторых. Петр изменил Елизавете не с кем-нибудь, а с ее собственной двоюродной сестрой. И более того, женился на Варваре после официального развода, прижил с ней двух детей и стал членом их дружной крепкой семьи, окончательно вытолкнув из гнезда «бедную Лизу», которую и так уже не слишком привечали. Ну, а когда после смерти Дмитрия Николаевича титул баронов Браге перешел к Елизавете – единственной, к слову сказать, кто все еще носил эту фамилию, отношения испортились окончательно. Отчего-то считалось по умолчанию, что титул и значительное наследство адмирала должен получить Григорий Берг, даже при том, что он незаконнорожденный и носит другую фамилию.

Так что Лиза не имела права ударить лицом в грязь, опростоволоситься, показать себя слабой. Она обязана была поехать на этот долбанный семейный сбор и отстаивать там всеми силами честь и достоинство своего альтер эго – капитана 2-го ранга баронессы Елизаветы фон дер Браге.

* * *

С утра занялась делом. Встала спозаранку, быстро умылась, позавтракала «чем бог послал» и пошла в конюшню. Включила лампу-прожектор, удачно нашедшуюся в хозяйстве, еще раз пробежалась по пунктам вчерашнего ремонта и открыла, наконец, двигательный отсек.

«Твою ж мать!» – Ну, других слов у нее просто не нашлось.

«Они что?... А я? Я же вроде...» – мысли скакали, но ничего путного из попыток привести их в порядок не выходило.

«Но как!!!!!»

На самом деле, у нее возникло только два вопроса: «Как это возможно?» – вариация «как они это сделали?» – и «А я о чем думала?»

Не отрывая взгляда от двигателя, Лиза достала фляжку, свинтила колпачок и сделала несколько глотков подряд. Потом убрала фляжку и достала из кармана портсигар. Закурила, пыхнула папироской раз, другой и опрометью бросилась в дом. Разворошила весь дядькин книжный шкаф со специальной литературой, но искомое нашла. Книга называлась «Двигатель Римана». Именно эти слова были выгравированы на матовом боку двигателя автожира. «Двигатель Римана», «ОС – С2», «Каблуков и компаньоны», серийный номер 27659.

Лиза села к столу, открыла книгу и углубилась в чтение. Ну, это только так говорится – «чтение». На самом деле, в книге было больше физических, химических и математических символов, формул и вычислений, чем слов русского языка. Ну, а еще там имелись многочисленные схемы и чертежи.

Прошел час, другой, третий. Лиза по-прежнему сидела у стола и читала книгу. Но чем больше она углублялась в текст, тем больше недоумевала.

«Но это невозможно!» – восклицала она мысленно.

«Это бред! Ненаучная фантастика!» – думала она, перелистывая страницы.

«Это вообще не наука! Это магия гребаная, а не физика!!!!»

«А я? Я куда смотрела? Я же здесь уже почти год обретаюсь! И что, ни одного вопроса?! Вот же курица тупая!»

От мрачных мыслей, буквально сводивших Лизу с ума, ее отвлек приезд посыльного из Кобоны. Парень, что характерно, приехал на повозке, запряженной лошадью, но при этом привез Лизе новенький свинцово-кислотный аккумулятор, несколько коробочек с электрическими проводами и разъемами и завернутые в промасленную бумагу детали для муфты ротора и демультипликатора.

Лиза поблагодарила паренька, дала ему «на чай», расплатилась за покупки и хотела было сама перенести все это добро в конюшню, но посыльный не позволил. Сам все отнес и сложил на старом дубовом столе, заменявшем адмиралу Браге верстак. Раскланялся – все-таки вежливые в провинции живут люди – и отбыл. А Лиза осталась в конюшне. Одна. Один на один с двигателем Римана.

Начать с того, что это был двигатель не внутреннего сгорания, а тепловой – внешнего. Паровая машина, вот что это было такое! Гребаная машина Уайта! Паровоз Ползунова! Ступа Бабы-Яги...

«Матерь божья, но как же вы, суки, такое чудо слепили?!»

Но матерись или нет, по факту это был четырехцилиндровый паровой двигатель двойного действия, работающий на сухом паре высокого давления. При этом энергия отнималась от сгорания прессованного малита⁴. Что такое этот их малит, Лиза не знала, но утром специально посмотрела в энциклопедии. Прочла статью и обалдела. В ее мире ничего подобного не было и, кажется, вообще, не могло быть. Уголь был, нефть, газ, сланец, торф... Дрова, наконец! Но совершенно невероятное вещество с удельной теплотой сгорания равной 127 миллиджоулей?! В три раза больше керосина?

Такого не может быть, потому что не может быть никогда!

– Такое даже вслух не произнести, – сказала Лиза вслух, – потому что такого в природе не существует!

Но, как ни странно, ТАКОЕ существовало.

Малит являлся природным ископаемым горючим, представленным в различных сочетаниях с другими минералами и веществами. Его месторождения были разбросаны по всему миру, но самые богатые – и по общему объему и по процентному содержанию вещества в породе – находились в Бразилии, Экваториальной и Южной Африке, в Канаде, в Сибири близ Кижмы и на Кольском полуострове в районе Сирки-Соколово.

Горел малит не просто сильно и жарко, он мог и рвануть, что иногда случалось в Южной Африке, когда молния ударяла в какой-нибудь одиночный выход породы с высоким содержанием горючего вещества. Месторождение в Сирки-Соколово в этом смысле было безопасным, так как содержание малита в породе было там чуть ниже критического. Однако на обогатительных заводах его перемалывали в порошок и очищали до 96–97 процентов, а на заводах по производству горючего и боеприпасов доводили процент содержания почти до ста, что означало, между прочим, еще большее измельчение в связи с технологией очистки, и, наконец, прессовали в брикеты различного размера и назначения.

Что ж, если принять как вводную всамделишное существование такого высокоэффективного горючего, это бы объяснило малый объем топки и незначительные запасы топлива на борту: три брикета в обойме автоматической системы «заряжения» – как раз на триста пятьдесят километров полета без встречного ветра, разумеется. Но тогда возникали вопросы к материалам, из которых сделана эта топка. А заодно уже и к системе циркуляции сухого пара и системе охлаждения, работающей на аммиаке. Там возникали нешуточные давления, да и среда, если иметь в виду перегретый пар, была более чем агрессивной. Однако здешним металлургам удалось создать сплавы на основе никеля, легированные молибденом, и это вкуче со специальной керамикой решало практически все проблемы...

* * *

Ближе к вечеру Лиза, смирившаяся на первый случай с вычурными изысками местной технологии, не удержалась и подняла автожир в темнеющее небо. Опыт оказался захватываю-

⁴ Несуществующее высококалорийное топливо – от латинского male lit – пылающий.

щим! Небо бескрайним, вид сверху завораживающим, а управление автожиром – простым до изумления. Впрочем, возможно, не для всех и каждого, однако руки Елизаветы Браге, ее глаза и вестибулярный аппарат великолепно знали, что и как нужно делать. И не только знали, но и делали.

Лиза сделала несколько кругов над домом, поднялась выше – барометрический высотомер утверждал, что на триста метров, – и пошла над рекой Кобоной в сторону озера. Прибавила скорость – сто десять километров в час – и с ветерком промчалась над лесом и рекой, вылетев, наконец, на простор Ладоги. Смеркалось, но с высоты четырехсот метров видимость была сносной, тем более что день выдался погожий, ясный. Тем не менее Лиза решила не рисковать и, пока окончательно не стемнело, вернуться домой. На обратном пути попробовала снизиться и лететь над самой водой. Оказалось несложно, а дух захватывает, как на крутых русских горках, только не так страшно. И, наконец, последним приятным открытием оказалось то, что сажать автожир совсем несложно.

Впечатлений хватило на весь вечер и часть ночи. Лиза протопила баню, попарилась от души, стараясь не думать о местной физике и геологии, нажарила картошки с консервированными лисичками и, увлекшись, съела под стакан семидесятиградусной самогонки, все жарено, а было его немало. Как раз на троих, ну максимум на двоих. Зато и спала после этого, как дитя, а проснувшись в семь часов утра, быстро позавтракала и сразу же начала «готовиться в поход». Она собрала вещи – невеликий труд, – и отнесла сумку в автожир, затем последовательно перекрыла водозабор и обесточила дом. Проверила окна и ставни, печи и камин. Достала из подпола в конюшне запасные топливные элементы для двигателя, и только после этого позвонила в центральную диспетчерскую столицы.

– Говорит капитан Елизавета Браге, прошу разрешения на пролет над городом на автожире категории Эм-9, – сказала она, как только откликнулся центральный пост.

– Где будете садиться, госпожа капитан? – деловым тоном, не предусматривающим долгих объяснений, спросил диспетчер.

– На крыше дома Корзухина, на Смоляной улице. Крыша приспособлена.

– Вы зарегистрированы, – сообщил диспетчер. – У вас второй гражданский эшелон – четыреста метров. Счастливого полета!

«Ну, – подумала Лиза, закрыв двери дома и устраиваясь в кокпите автожира, – помолюсь!»

Машина, как и в прошлый раз, поднялась легко, благо встречный ветер благоприятствовал, и места для разбега во дворе оказалось вполне достаточно. Аппарат оторвался от земли, набрал высоту – Лиза решила, что ста метров на первый случай будет достаточно, – и пошел над лесом. Лиза держала курс на запад с небольшим склонением к югу, и хотя не знала местность так хорошо, как наверняка знала ее Елизавета, идти по компасу оказалось совсем несложно. Она пролетела над лесом, постепенно поднимаясь выше и набирая скорость, внизу открылся вид на современное шоссе, затем снова пошел лес, а еще потом, пролетев сначала над Старым, а затем и над Новым Ладожским каналом, Лиза заняла свой эшелон и вылетела на простор озера. День снова выдался хороший, озеро было спокойно, и вид, открывшийся с высоты, просто зачаровывал. Ладога, прозрачное небо апреля, солнце и высокие – в двенадцать-пятнадцать этажей, – дома Смолянки, обращенные гранитными фасадами к озеру...

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне!»

Хотелось петь, но Лиза сдержалась. Судя по дневнику, Елизавета в полете никогда не пела, только ругалась матом, да и то редко. Между тем дома приближались, и вскоре Лиза начала плавно разворачивать машину к западу, чтобы выйти из поворота прямо над домом Корзухина. Самое любопытное, что маневр получился, как и задумывался. Снизилась, увидела заасфальтированный круг посадочного пятна и аккуратно приземлилась. А еще через несколько минут, закрепив автожир за вбитые в крышу крюки, она спустилась к себе в апарта-

менты. Благо и идти было недалеко: в доме Корзухина всего двенадцать этажей, и в большинстве квартир последнего этажа имелись выходы прямо на крышу. У Лизы тоже.

Спустилась по короткой лестнице, с балкона зашла прямо в спальню, бросила сумку на пол.

– Так! – Лиза встала посередине спальни и посмотрела на часы. – Не плохо, но и не хорошо!

Было десять часов утра, а обед Елена Константиновна назначила на шесть вечера.

«Времени в обрез!»

Если лететь в Гатчину – а она твердо решила лететь, – то Лизе следовало срочно обновить знания о своей семье. Фотографии, немногочисленные письма и поздравительные открытки, записи в дневниках Елизаветы. Это раз. Два – это карта. Лететь легко, трудно прокладывать маршрут.

«Значит, карта-десятиверстка... Путеводитель по княжеству Ижорскому... И вот еще что, надо приготовить термос с кофе и взять радиоприемник, а то со скуки помрешь!»

Следующие четыре часа она усердно изучала документы и фотографические снимки, и постепенно в голове Лизы начал возникать непротиворечивый образ ее «милой семейки». А, исходя из этого, выстраивался и «модус операнди»⁵. В три часа Лиза уже точно знала, с кем, как и о чем она будет говорить, где промолчит, а где нахамит.

«Что ж... Недурно! Но что надеть?»

Однако и этот вопрос разрешился сам собой. Если вести себя так, как задумала Лиза, к столу она выйдет в парадно-выходном мундире для ношения вне строя, без кортика, но с орденскими планками и «Полярной звездой» с лентой на шее под стоячим воротником и с самим орденом над верхней пуговицей кителя. Значит, надо взять с собой также фуражку, перчатки и черные туфли на низком каблуке, пижаму и халат – ведь наверняка придется остаться ночевать, – и какой-нибудь симпатичный наряд на утро, чтобы дамам стало завидно. Ну, а для полета у нее имелся очаровательный костюм в стиле стимпанк. Темно-зеленые брюки галифе с высоким – чуть ли не под грудь – поясом, коричневые сапоги, белая шелковая рубашка, которую ради разнообразия можно надеть прямо на голое тело, кожаная куртка пилота, шелковый черный шарф, перчатки с крагами и кожаный шлем с очками. Гоглы, впрочем, были непростые, а с изменяемой цветностью и кратностью увеличения. Дорогие, редкие – хрен достанешь и за деньги – летные очки венецианской работы.

«О! Как я могла забыть! Последний штрих!»

Лиза открыла сейф, достала револьвер, проверила, зарядила, вернула в кобуру и положила вместе с кожаным поясом рядом с другой одеждой, приготовленной на кровати...

* * *

Как и следовало ожидать, прибытие Лизы вызвало фурор. Особенный восторг выказали дети, а их тут было много. Они с криками, переходящими в вопли, гурьбой высыпали из дома, вихрем пронеслись, роняя друг друга, по лужайке и тут же окружили автожир.

Лиза заглушила двигатель, что для паровых машин отнюдь не то же самое, что для двигателей внутреннего сгорания, откинула колпак и вылезла из кокпита, довольно ловко спрыгнув на землю и никого из детворы при этом не покалечив.

– А говорили, что спилась...

Лиза оглянулась через плечо. Прямо за спиной – ну может быть, всего в метре от нее – стояла Варвара. Вредина Варька приходилась Елизавете двоюродной сестрой и в детстве постоянно ее ревновала ко всем подряд, – к другим детям и ко взрослым, – завидовала, норо-

⁵ Modus operandi – латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия».

вила навредить. Тем более обидно было узнать, что Петр изменил Елизавете именно с этой дебелий сисястой бабой. Впрочем, еще обиднее было то, что не просто переспал, а женился, разведясь, и уже лет пять живет с ней, регулярно производя на свет отпрысков, некоторые из которых крутились сейчас около автожира.

– Я тоже рада тебя видеть, – почти равнодушно кивнула Лиза. – Опять беременная?

– Что? – смутилась Варвара. – Нет, я...

– Значит, просто растолстела, – все тем же прохладным тоном заметила Лиза и отвернулась, оставив Варвару краснеть и потеть, что всегда с ней случалось, когда попадала впросак.

– Здравствуй, Петр! Как поживаешь? – Петр шел к ней от дома. Большой, сильный, и, чего уж там, красивый сукин сын. Лизе он, как мужчина, сразу понравился, но бывший супруг, судя по всему, нравился и Елизавете.

«А что, если переспать с ним назло Варваре?» – эта мысль возникла в голове Лизы совершенно неожиданно и крайне ее удивила. Во-первых, совсем не ее стиль. Во всяком случае, раньше – в той жизни – она так не могла. А, во-вторых, Лизу ошеломили эмоции, которые она испытывала. Ну, кто ей Варвара? Да никто, и звать ее никак. Это у Елизаветы могут быть с ней счеты, а Лизе-то с какой стати?

– Лиза! – оказывается, Петр называл ее Лизой. – Рад тебя видеть!

И он несмело улыбнулся, как если бы ждал удара по яйцам, но хотел этого избежать.

– Хорошо выглядишь, Петя! – почти искренно улыбнулась Лиза. – Это правда, чтоб ты знал, хотя ты и подлец! Мог хотя бы разок меня в госпитале навестить. Не чужой все-таки человек, три года в одной постели спали!

Петр смутился и отвел глаза, а сзади охнула «от такой наглости» курва Варька.

– Извини! – выдавил из себя Петр.

– Бог простит! – И, оставив Петра, как минутой раньше оставила Варвару, Лиза пошла к дому.

Поднялась по лестнице и в дверях столкнулась с какой-то светло-русой и голубоглазой девушкой. Фотографии ее Лиза точно не видела, и кто бы это мог быть, не знала. Но оказалось, что незнакомка Елизавету не знает тоже.

– Здравствуйте! – вежливо поздоровалась девушка, с явным удивлением рассматривая Лизу и ее костюм. – Я Полина, а вы кто?

«Симпатичная! – отметила Лиза. – Высокая, стройная и грудь ничего! Невеста Грини? Все может быть...»

– Полина, говоришь? – спросила Лиза, очевидным образом вредничая, хотя виновата перед ней была отнюдь не эта славная девушка, а ее паскудный жених. – Мило! Что же ты делаешь, Полина, в доме моей бабки?

– Ой! – мгновенно побледнела Полина. – Вы Елизавета? А Григорий говорил...

– Что я умом рехнулась, слюни пускаю и в инвалидной коляске путешествую? Так, Гриня? – Посмотрела она на «единоутробного», который как раз появился в поле зрения.

– Сомнения в твоей вменяемости, Елизавета, посещали меня еще в детстве, – тон брезгливый, выражение лица соответствующее, не говорит, мерзавец, а словно бы сквозь зубы цедит. – Что же касается твоего нынешнего диагноза...

– Командующий округом запретил тебе интересоваться моей историей болезни. Хочешь из армии вылететь? Так я тебе это мигом устрою. Не веришь?

– Бодался теленок с дубом, – оскалился Григорий, но Лиза увидела, он испуган. Просто перед своей девушкой не может показать слабину.

– Ты не дуб, Григорий! – усмехнулась в ответ Лиза. – Ты кирза в звании подполковника. Она раздвинула собеседников и прошла между ними в дом.

– Да и я не теленок! – бросила через плечо. – У нас с тобой звания по факту равные, но я кавалерственная дама, а кто ты?

«Трое есть! – отметила мысленно, направляясь в гостиную. – Остались пятеро!»

Но, как тут же выяснилось, она ошибалась. В гостиной находилось едва ли не с дюжину мужчин и женщин. Однако центр композиции, несомненно, формировался вокруг Елены Константиновны и Ольги Николаевны. Интрига же заключалась в том, что после смерти мужа титул перешел к ней, но в тот момент, когда она вышла замуж повторно, право на имя фон дер Браге и баронский титул перешли к ее старшему сыну. И уже от Дмитрия Николаевича к Елизавете. Минуя всех остальных родственников, как и требовало принятое в Себерии правило. Имущественное право – одно, дворянские фамилии – другое.

Что ж, Лиза знала, куда едет, и правила игры знала тоже. Во всяком случае, предполагала, что знает.

Она расцеловалась с Еленой Константиновной, не соизволившей даже встать из кресла, и позволила Ольге Николаевне, во всем – даже в глупых мелочах – подражавшей старухе-матери, обшлюнявить себе щеку.

– Дамы, – сказал за спиной Лизы Григорий, – господа! Кто не знает, это моя сестра Лиза. Она бывает резковата, но в целом безобидна.

«Безобидна? Я?! Сестра?! Лиза?!» – от возмущения Лиза едва не пристрелила наглеца, но потом решила промолчать. В конце концов, хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Лиза положила шлем и очки на столик рядом с креслом бабки, сняла куртку: «Ну, у вас и натоплено! Жарко же!» – и повернулась к «публике».

– Лиза, – представилась она, воспользовавшись формулировкой Григория, и увидела, как мечутся взгляды мужчин между ее кобурой и сиськами, торчащими под полупрозрачным шелком.

– Что-то не так? – нахмурилась, словно бы и не понимала, о чем речь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.